Всеобщая библіотека Г. Θ. Львовича.

К. Каутскій.

Изъ исторіи культуры.

Наемные рабочіе въ средніе вѣка и въ эпоху реформаціи.

Переводъ Г. Θ. Львовича.

Цѣна 15 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Альтшулера. Эртелевъ пер., 17—9.
1905.

Дозволено цензурою Спб, 29 апрѣля 1905 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Возникновеніе свободнаго городского ремесленнаго сословія.

I. Крѣпостная зависимость.

Когда германцы вторглись въ предѣлы Римской имперіи, земледѣліе ихъ было еще на очень низкой ступени развитія. Скотоводство и охота были еще на первомъ планѣ ихъ хозяйственной жизни; земледѣльцы были еще на половину номадами. Теперь они завладѣли частью латифундій въ романскихъ странахъ; здѣсь снова образовалось свободное крестьянство. Это крестьянство познакомилось съ высшимъ, римскимъ способомъ производства; скотоводство и охота все больше и больше стушевывались передъ земледѣліемъ; германцы стали осѣдлыми.

И вотъ, казалось, будто снова должно повториться то развитіе, которое совершилось въ древнемъ Римѣ. Крестьянское производство не мирилось съ военной службой, которую тогда обязанъ былъ нести каждый свободный человѣкъ: вѣчныя войны того времени разоряли крестьянъ, крестьянскія хозяйства погибали.

Но крестьянскому хозяйству предстояла не замѣна хозяйствомъ рабскимъ, какъ въ древнемъ Римѣ. Едва германцы были обращены въ христіанство, т. е. нѣсколько освоились съ римскимъ способомъ производства, стали осѣдлыми, какъ на нихъ устремились со всѣхъ сторонъ орды бродячихъ, подвижныхъ народовъ, наѣздниковъ и мореплавателей: авары и мадья-

ры съ востока, норманы съ сѣвера, сарацины съ юга и востока. Съ VIII до XI вѣка западный христіанскій міръ терзали и часто угрожали самому существованію его безпрестанные хищническіе набѣги этихъ пришельцевъ. Далеко было ему до того, чтобы захватывать рабовъ; напротивъ, онъ самъ сталъ удобнымъ объектомъ для захвата рабовъ и торговли ими. Христіанскихъ рабовъ было множество у «язычниковъ», языческіе-же рабы у христіанъ становилось все рѣже и дороже*). Стало невозможнымъ основать производство на рабствѣ: производство руками рабовъ въ то время почти совершенно прекратилось на христіанскомъ западѣ **).

*) Но совершенно они не исчезли съ рынковъ христіанскаго міра. Извѣстны примѣры торговли рабами въ Италіи еще въ XIII и XIV столѣтіяхъ. Амедей VI савойскій купилъ въ 1307 г. въ Константинополѣ двухъ рабынь. Въ Генуѣ въ 1384 г. одна татарская рабыня, „свободная отъ всѣхъ тайныхъ болѣзней (magagnis)“, стоила 1049 лиръ, другая въ 1389 г. стоила 1312 лиръ. Торговцы рабами получали свой товаръ большею частью изъ Каффы. Въ городскихъ законникахъ того времени есть много постановленій относительно рабовъ. (Jul. Krone, frà Dolcino und die Pataraner. Historische Episode aus den piemontesischen Religionskriegen. Leipzig, 1844, стр. 16).

**) Что рабству положили конецъ не какія-либо требованія совѣсти, вызванныя христіанствомъ, это видно изъ того, что когда христіанскій міръ окрѣпъ настолько, что могъ снова перейти къ наступательной войнѣ противъ „невѣрныхъ“,—именно передовые борцы христіанства первыми бросились захватывать и продавать рабовъ. Крестоносцы, также какъ впослѣдствіи испанцы и португальцы въ Африкѣ, захватывали рабовъ и торговали ими въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Булла папы Николая V отъ 8 январ 1454 г. отчетливо объявляетъ позволительнымъ „всѣхъ сарацинъ, язычниковъ и другихъ враговъ Христа обращать въ вѣчное рабство“, а Климентъ V (1523—1534) распространилъ это „право“ также и на всѣхъ еретиковъ. (Ludw. Keller, Die Reformation und die älteren Reformparteien. Leipzig, 1885, стр. 480). Но развитіе способа производства приняло тогда такое направленіе, которое сдѣлало трудъ рабовъ въ Европѣ излишнимъ. Рабъ оставался предметомъ роскоши; въ этомъ отношеніи произошла перемѣна лишь тогда, когда европейскія государства завоевали или основа-

Крупное производство руками рабовъ стало столь-же невозможнымъ въ христіанско-германскихъ государствахъ, какъ еще раньше оно стало невозможнымъ въ Римской имперіи; и какъ тамъ мѣсто его занялъ *колонатъ*, такъ и теперь возникло подобное-же установленіе, иногда даже въ непосредственной связи съ римскимъ образцомъ.

Изгнаніе обѣднѣвшихъ крестьянъ съ земли было бы въ тѣ времена большимъ безуміемъ. Не въ землѣ былъ тогда недостатокъ, а въ людяхъ. Богачи и знать въ христіанско-германскихъ государствахъ, епископы и аббаты, короли и герцоги со своими приближенными и фаворитами стремились не къ тому, чтобы замѣнить крестьянскія хозяйства рабскими; напротивъ,—они старались эксплуатировать нужду крестьянъ такимъ образомъ, что дѣлали ихъ зависимыми отъ себя, обязанными платить имъ оброкъ и отбывать натуральныя повинности. Но за это они должны были также снять съ крестьянина тѣ тяготы, подъ которыми онъ изнемогалъ, которыя дѣлали правильное крестьянское хозяйство невозможнымъ, должны были прежде всего взять на себя военную службу.

Крестьяне одинъ за другимъ отдавались подъ защиту какого-нибудь сильнаго владѣтеля и обязывались давать ему изъ года въ годъ опредѣленное количество продуктовъ своего хозяйства и работать опредѣленное число дней. За это они освобождались отъ военной службы, которую несъ вмѣсто нихъ ихъ покровитель и землевладѣлецъ со своими свитами и слугами.

Другой способъ пріобрѣтать оброчниковъ былъ таковъ. Изъ

ли колоніи въ заморскихъ странахъ; тамъ они не нашли предварительныхъ условій, необходимыхъ для европейскаго способа производства; тамъ можно было съ выгодой употреблять трудъ рабовъ. Съ тѣхъ поръ охота на рабовъ, торговля рабами и эксплуатація ихъ снова стали играть важную роль въ жизни европейскаго христіанскаго міра, и ни римская, ни важнѣйшія протестанскія церкви не смущались этимъ.

римскихъ временъ въ христіанско-германскихъ государствахъ сохранилось не мало латифундій,—именно, владѣнія церкви, которая всегда умѣла прекрасно отстаивать свои интересы. Новое крупное землевладѣніе создавалось путемъ пожалованій со стороны королей. Благодаря безпрестаннымъ войнамъ, было много безхозяйной земли; развитіе сельскаго хозяйства также освобождало не мало земель. Опредѣленное населеніе нуждается для своего пропитанія въ меньшемъ количествѣ земли, если оно занимается земледѣліемъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда оно занимается скотоводствомъ, а тѣмъ болѣе — охотой. Огромные лѣса, служившіе раньше для пропитанія народа, были общей собственностью опредѣленныхъ марокъ, общинъ. Они потеряли теперь въ глазахъ марокъ свою цѣну; короли взяли ихъ въ свое владѣніе, также какъ и другія не населенныя земли, и дарили или отдавали въ ленъ своимъ любимцамъ и знати, особенно-же епископамъ и монастырямъ. Новый землевладѣлецъ старался извлечь пользу изъ своего владѣнія, привлечь крестьянъ-поселенцевъ, которымъ онъ за опредѣленные поборы и повинности давалъ участки,—понятно, съ общимъ лугомъ и лѣсомъ, безъ чего крестьянское хозяйство было бы невозможнымъ.

Но если каждый землевладѣлецъ старался заманить къ себѣ возможно больше новыхъ крестьянъ, то еще больше заботился онъ о томъ, чтобы его крестьянъ не сманили у него другіе. Онъ употреблялъ всѣ средства, бывшія въ его распоряженіи,—нравственныя и безнравственныя, законныя и противозаконныя,—лишь бы прикрѣпить крестьянъ къ землѣ. Крестьяне, бывшіе до тѣхъ поръ свободными, стали не только оброчными, но и крѣпостными.

Но, какъ ни принижены были крестьяне, они всегда были гораздо выше рабовъ. Рабъ—чужеземецъ въ странѣ, чужой среди другихъ рабовъ; онъ безправенъ; онъ—вещь; у него нѣтъ подъ собою никакой почвы, на которой онъ могъ бы утвердиться, чтобы вести упорную борьбу за эманципацію своего

класса. Правда, намъ извѣстны возстанія рабовъ, но эти скоропреходящіе взрывы могли въ самомъ лучшемъ случаѣ доставить свободу лишь участникамъ возстаній, на само-же установленіе рабства они не имѣли никакого вліянія. Это были попытки не уничтожить рабство, а спастись отъ него. Уничтоженіе рабства нигдѣ не было результатомъ упорной классовой борьбы самихъ рабовъ.

Иначе было съ крѣпостными среднихъ вѣковъ. Они не были безправны; ихъ повинности и взносы были точно опредѣлены, и ихъ невозможно было увеличивать по произволу, а всякія увеличенія надо было навязывать силою или хитростью. И зависимый крестьянинъ въ своихъ отношеніяхъ къ землевладѣльцу былъ не одинокъ. Каждый крестьянинъ, свободный или зависимый, принадлежалъ къ какой-либо маркѣ, которая была солидарна съ нимъ, также какъ и онъ съ нею. Въ этой организаціи онъ постоянно находилъ надежную опору. Опираясь на марку, крестьянинъ могъ оказывать землевладѣльцу очень внушительное противодѣйствіе и часто оказывалъ его. Всѣ средніе вѣка полны классовой борьбой между землевладѣльцами и ихъ крестьянами, и при благопріятныхъ обстоятельствахъ борьба эта часто снова приводила къ освобожденію крестьянъ не только отъ зависимости, но и отъ обязанности платить оброкъ, къ уничтоженію господскихъ правъ на землю.

Еще лучше, чѣмъ у крестьянъ, шло дѣло *у ремесленниковъ*. Они, въ концѣ-концовъ, повсюду свергли съ себя зависимость и господство землевладѣльцевъ.

II. Возникновеніе ремеселъ.

Какъ велась первоначально промышленность въ средніе вѣка? Каждое хозяйство само производило все, въ чемъ оно нуждалось. Каждое крестьянское хозяйство,—которое надо представлять себѣ не въ видѣ карликоваго хозяйства, а въ видѣ домашней общины, большой семьи, гдѣ отецъ живетъ вмѣстѣ

со своими сыновьями, ихъ женами и дѣтьми, а часто и внуками,—каждое такое хозяйство не только производило сырые сельско-хозяйственные продукты, но и перерабатывало ихъ—въ муку и хлѣбъ, пряжу и ткани, утварь и орудія и т. п. Крестьянинъ самъ былъ и зодчимъ, и плотникомъ, и столяромъ, и кузнецомъ.

Потребности землевладѣльцевъ были обыкновенно гораздо шире крестьянскихъ; но и помѣщикъ долженъ былъ производить все, въ чемъ онъ нуждался, у себя на господскомъ дворѣ или поручать независимымъ отъ него крестьянскимъ хозяйствамъ. Въ распоряженіи его было больше рабочихъ силъ, чѣмъ у крестьянина; на продукты, доставляемые ему крестьянами, онъ могъ содержать многочисленную дворню,—большею частью изъ людей несвободныхъ; сверхъ того, онъ могъ располагать извѣстнымъ числомъ рабочихъ дней въ году каждаго изъ своихъ крестьянъ. Поэтому онъ могъ ввести нѣкоторое раздѣленіе труда: однихъ занимать исключительно или преимущественно строительной и плотницкой работой, другихъ выдѣлкой кожъ, третьихъ кованьемъ оружія и т. п.

Такимъ образомъ, на господскихъ дворахъ въ средніе вѣка возникли зачатки ремеселъ.

Гдѣ еще удержались изъ римскихъ временъ города—именно, въ Италіи и южной Франціи,—тамъ сохранились также слѣды городскихъ свободныхъ ремеселъ.

Но если рабочій пріобрѣталъ особенное искусство въ какомъ-либо ремеслѣ, то неразумно было занимать его другими работами. Если господскій дворъ не поглощалъ въ данномъ ремеслѣ всей его рабочей силы, онъ начиналъ работать для другихъ, для сосѣднихъ крестьянскихъ хозяйствъ или иныхъ господскихъ дворовъ, которые были слишкомъ малы, чтобы содержать или обучить такого мастера. Понятно, онъ не могъ этого дѣлать безъ позволенія своего землевладѣльца и долженъ былъ платить ему извѣстный оброкъ.

Такъ развивается работа *на заказчиковъ*.

Но рядомъ съ нею скоро возникаетъ и работа съ другимъ назначеніемъ, работа *на рынокъ*.

Нѣкоторые изъ господскихъ дворовъ образуютъ особенно-притягательные пункты для окрестнаго населенія болѣе или менѣе значительныхъ раіоновъ. Это происходитъ именно въ императорскихъ или королевскихъ резиденціяхъ (пфальцы) и въ мѣстахъ епископскихъ каѳедръ. Тамъ собираются солдаты, свиты, чиновники, и по временамъ стекается туда также много иного народа—на празднества и увеселенія, въ дни судебныхъ засѣданій и для манифестацій всякаго рода. Въ этихъ мѣстахъ скопляется все богатство, какое могла производить страна въ то время. Понятно, что они становятся первыми притягательными пунктами для *купцовъ*, которыми въ Германіи вначалѣ были большею частью иноземцы,—итальянцы и евреи. Тамъ легче всего находили они сбытъ для своихъ товаровъ, и ремесленники тоже тамъ скорѣе всего могли разсчитывать на обмѣнъ своихъ продуктовъ.

Мѣстности съ такими господскими дворами становились *рынками*. Ихъ населеніе и богатство возрастали, благодаря чему онѣ раньше всѣхъ получили возможность укрѣпиться и раньше всѣхъ были вынуждены къ этому, такъ какъ онѣ служили наибольшей приманкой для хищниковъ. Укрѣпленіе стѣнами превращало такую мѣстность въ *городъ*.

Если увеличеніе населенія и богатства побуждали укрѣпить такую мѣстность, то укрѣпленіе и безопасность, какую оно представляетъ, въ тѣ смутныя времена служили новой причиной увеличенія населенія и богатства.

Такимъ образомъ, Германія съ VIII вѣка, а раньше или позже и всякая иная страна христіанскаго запада, покрылась сѣтью городовъ.

Лишь немногіе изъ этихъ городовъ были съ самаго-же начала вольными. Большинство ихъ развилось изъ господскихъ

селъ; обыватели ихъ были подданными одного или нѣсколькихъ господъ. Но чѣмъ больше возрастало населеніе и богатство городовъ, тѣмъ больше ненужнымъ оказывалось для нихъ покровительство землевладѣльца, тѣмъ больше повинности и сборы въ пользу господскаго двора становились для обывателей излишнимъ бременемъ, и тѣмъ больше силы имѣли они, чтобы избавиться отъ этого бремени. Горожане оказывали все болѣе и болѣе рѣшительное противодѣйствіе землевладѣльцамъ, пока имъ, наконецъ, не удалось всюду добиться свободы.

Понятно, ремесленники не остались незатронутыми этимъ развитіемъ. Рядомъ съ господскими ремесленниками въ городѣ скоро стали селиться и другіе бѣглые крѣпостные или зависимые другихъ господъ, уже раньше занимавшіеся ремеслами или теперь обратившіеся къ нимъ. Тогда еще не было излишка ремесленниковъ; напротивъ, городъ былъ радъ, если населеніе его увеличивалось, отъ чего возрастали его благосостояніе и сила. Онъ защищалъ бѣглыхъ крѣпостныхъ и зависимыхъ людей. Если они годъ невозбранно прожили въ городѣ, они были свободны. Сами ремесленники во вновь прибывающихъ товарищахъ видѣли не конкуррентовъ, а союзниковъ, и были рады имъ. Рядомъ съ ремесленниками крѣпостными возрастало и число свободныхъ. Они сплотились, вліяніе и сила городскихъ ремесленниковъ увеличивались, и несвободные среди нихъ становились все болѣе и болѣе самостоятельными. Повинности и сборы натурою въ пользу двора замѣнялись денежными взносами. Ремесленники получили свободу рынка, право свободной и безпрепятственной купли и продажи. Наконецъ, повсюду получилъ господство тотъ принципъ, что всякій, имѣющій постоянное жительство въ городѣ, eo ipso свободенъ.

Ремесла одно за другимъ исчезали съ господскихъ дворовъ, одно за другимъ становились исключительно городскими. Землевладѣльцы должны были теперь покупать, какъ товары, въ

городахъ все, что раньше производилось въ ихъ собственныхъ дворахъ.

И ремесла совершенно перестали быть занятіемъ несвободныхъ людей. Въ концѣ этого развитія мы находимъ среди ремесленниковъ лишь свободныхъ людей, сами же ремесла достигаютъ цвѣтущаго состоянія и пользуются большимъ почетомъ.

Время этого развитія для каждаго ремесла въ отдѣльности и для каждой отдѣльной мѣстности различно. Въ общемъ-же оно начинается съ XI вѣкомъ и кончается съ XIV *).

III. Цехъ.

Борьба съ городскими землевладѣльцами была не единственной борьбой, которую долженъ былъ вести развивающійся слой ремесленниковъ. Столь-же важное значеніе имѣла и борьба его съ городскими патриціанскими родами.

Мы видѣли, что города первоначально были лишь укрѣпленными селами. Села имѣли общинное устройство; такимъ-же осталось и устройство городовъ. Какъ земля, принадлежавшая селу, сельская марка, такъ и земля, принадлежавшая городу, городская марка, распадалась на двѣ части: раздѣленную и нераздѣленную марку (луга, лѣса, воды). Всѣ жители села, ведшіе самостоятельное хозяйство, имѣли часть въ общей маркѣ; они составляли общину, которая сама управляла своими дѣлами, жила по своимъ уставамъ. Если въ маркахъ образо-

*) Крѣпостные (hofhörige) золотыхъ дѣлъ мастера уже въ концѣ XI вѣка начали, рядомъ съ работой для господскаго двора, работать также и на рынокъ. И эта отрасль труда уже тогда настолько утратила рабскій характеръ, что ею стали заниматься и свободные люди. (Hans Meyer, Die Strassburger Goldschmiedezunft von ihrem Entstehe bis 1681. Leipzig, 1881, стр. 154). Съ другой стороны, въ Боннѣ еще въ XIV вѣкѣ занятіе ткацкимъ ремесломъ было службой и зависѣло отъ господскаго двора (Maurer, Geschichte der Städtverfassung in Deutschland. Erlangen, 1870, II, стр. 323).

валось крупное землевладѣніе, то землевладѣльцы получали различныя привиллегіи; они были постоянными старшинами марки, постановленія общиннаго собранія нуждались въ ихъ согласіи. Это было, такъ сказать, конституціонное правленіе.

Первоначально каждаго новоприбывшаго обыкновенно охотно принимали въ члены марки. Земля была въ изобиліи, но мало было людей для ея обработки. Это измѣнилось прежде всего въ городахъ, населеніе которыхъ быстро возрастало. Здѣсь излишекъ земли скоро исчезъ, и старинныя городскія семейства стали, наконецъ, опасаться, какъ бы не повредить своимъ интересамъ, если они будутъ и впредь допускать новоприбывшихъ къ участію въ пользованіи общинными землями. Теперь марка превратилась въ замкнутую корпорацію, не принимавшую уже новыхъ членовъ или принимавшую ихъ развѣ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда это доставляло ей какую-либо особенную выгоду.

Теперь рядомъ со старыми родами въ городской общинѣ образовался второй слой обывателей, позднѣйшихъ пришельцевъ, которые не имѣли участія въ общей городской маркѣ или получали въ ней лишь ничтожную часть и, какъ не принадлежавшіе къ организаціи марки, не могли принимать участія въ ея управленіи. Но управленіе марки было въ то же время городскимъ управленіемъ. Такимъ образомъ, новые граждане были въ городѣ политически безправны. Старинные граждане образовали аристократію.

Въ началѣ этихъ новыхъ гражданъ только терпѣли въ городѣ, какъ находившихся подъ его защитою. Но съ теченіемъ времени численность и богатства ихъ возрастали. Очень многіе купцы и большинство ремесленниковъ принадлежали къ нимъ. Они начали сознавать свою силу и требовать, чтобы ихъ допустили къ участію въ городскомъ управленіи. Раньше или позже — въ нѣкоторыхъ городахъ въ XIII столѣтіи, въ другихъ же въ XIV — они повсюду вступили въ борьбу съ

правленіемъ знатныхъ родовъ, патриціевъ, и имъ, въ концѣ концовъ, почти вездѣ удалось въ XIV и XV вѣкахъ свергнуть господство патриціевъ и добиться участія въ управленіи.

Общинныя земли не были отняты у патриціевъ. Гдѣ онѣ еще сохранились и не были раздѣлены, тамъ и организація марки осталась, въ качествѣ замкнутой корпораціи, въ предѣлахъ городской общины. Но сама городская община перестала быть маркой. Политическую основу городовъ составлялъ уже не общинный строй марки, а, по крайней мѣрѣ, въ Германіи—*строй цеховой.*

Большія массы людей не могутъ вести продолжительную борьбу безъ организаціи. Ремесленники тоже должны были выработать себѣ организацію: образецъ ея они нашли въ организаціяхъ марокъ. Еще на богатыхъ господскихъ дворахъ, гдѣ работало много рабочихъ, рабочіе одного ремесла были организованы въ товарищества, приказы, подъ начальствомъ одного мастера,—правда, не съ цѣлью борьбы, а ради производства и управленія. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда возникала борьба зависимыхъ рабочихъ съ землевладѣльцами, товарищества должны были служить также и этой цѣли; они сохранялись и въ то время, когда ремесленники добились свободы. Эти приказы зависимыхъ ремесленниковъ, товарищества, превратились въ прочныя организаціи (Innungen).

Рядомъ съ этими зависимыми товариществами, свободные ремесленники въ городахъ часто сами вводили организаціи для своей защиты, которыя съ самаго-же начала были свободными и сами вели свои дѣла. Эти свободныя товарищества оказывали вліяніе на зависимыя и поддерживали ихъ въ ихъ борьбѣ. Наконецъ, эти два рода организацій стали тожественными, и, послѣ уничтоженія крѣпостной зависимости, мы находимъ въ городахъ уже лишь свободныя товарищества, или *цехи.*

Въ большинствѣ городовъ свободные цехи образовались еще въ XII или XIII столѣтіи, въ другихъ же лишь вно-

слѣдствіи. И не всѣ промыслы пришли къ организаціи одновременно. Самые богатые изъ нихъ и тѣ, въ которыхъ было занято больше всего людей, пришли къ организаціи раньше другихъ. Старѣйшими цехами, кромѣ купеческаго, были цехи суконщиковъ и закройщиковъ. Послѣ нихъ организовались въ цехи сапожники, хлѣбники, мясники и т. д. Случалось также, что въ отдѣльныхъ ремеслахъ было слишкомъ мало людей для того, чтобы они могли образовать самостоятельные цехи; въ такомъ случаѣ они должны были примкнуть къ цеху другого ремесла, если хотѣли пользоваться защитой, представляемой организаціей. Такъ, баньщики, напр., принадлежали въ Рейтлингенѣ къ цеху мясниковъ, а въ Эсслингенѣ къ цеху скорняковъ.

Изъ городского населенія всякій, кто могъ, примыкалъ къ какому-либо цеху *). Но не всѣ были такъ счастливы, чтобы имѣть возможность сдѣлать это. Всегда оставалось много занятій, которыя или кормили своихъ адептовъ слишкомъ плохо, или слишкомъ презирались для того, чтобы соотвѣтствующіе рабочіе имѣли возможнось организоваться или добиться пріема въ существовавшіе уже цехи. На эту misera contribuens plebs цеховые ремесленники смотрѣли столь же свысока, какъ на нихъ самихъ смотрѣли патриціи, и имъ даже въ голову не приходило стать въ защиту также этихъ самыхъ низшихъ слоевъ населенія.

Рядомъ со старинными гражданами въ городѣ возникъ второй слой привиллегированныхъ въ лицѣ цеховыхъ ремесленниковъ.

Но чѣмъ больше цехъ превращался въ привиллегію, тѣмъ больше въ средѣ самихъ ремесленниковъ развивалось новое классовое противорѣчіе: антагонизмъ между *мастеромъ* и *подмастерьемъ*.

*) Даже продажныя женщины образовали цехи, — напр., во Франкфуртѣ, въ Женевѣ, Парижѣ, гдѣ онѣ считали покровительницей своего „горизонтальнаго ремесла“ св. Марію Магдалину. Maurer, l. c., II, стр. 471.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ремесленные подмастерья.

I. Возникновеніе слоя подмастерьевъ.

Массу наемныхъ рабочихъ въ городахъ составляли ремесленные подмастерья. Въ добрѣ и довольствѣ жили они «безъ той самомнительной зависти, которая злобно смотритъ на жизнь болѣе высокопоставленныхъ», гордые своимъ положеніемъ, среди «цвѣтущаго благосостоянія», пользуясь «справедливой частью въ доходахъ труда». Чего же еще могли они желать? Какъ и мастера, они находились подъ «защитою цеха», который рѣшалъ споры между ними и мастерами и охранялъ «всѣ ихъ права»; они принадлежали къ семьѣ мастера, ѣли за его столомъ; мастеръ относился къ нимъ, какъ къ своимъ дѣтямъ, воспитывалъ ихъ въ добрыхъ нравахъ, чтобы они берегли добрую славу мастерства, считавшагося «должностью, данной имъ Богомъ», къ которой подмастерье готовился съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ клирикъ къ рукоположенію во священники или дворянинъ къ посвященію въ рыцари. Тогда вѣдь еще «ремесленники жили въ братской любви и единеніи въ цехѣ», еще работали «не ради одной лишь выгоды, а во исполненіе заповѣди Божьей», еще господствовали въ цехѣ начала «равенства и братства».

Такъ изображаютъ намъ сторонники цехового строя и любители средневѣковщины положеніе подмастерьевъ въ періодъ расцвѣта цеховыхъ ремеселъ, и изъ подобныхъ изображеній въ извѣстныхъ сферахъ дѣлаютъ такой выводъ, будто доста-

точно лишь возстановить цехи, чтобы устранить классовую борьбу между рабочими и предпринимателями и водворить соціальную гармонію. Цехи, молъ, самыя подходящія учрежденія для защиты интересовъ не только мастеровъ, но и подмастерьевъ.

Послѣдній изъ выдающихся нѣмецкихъ историковъ, такъ идиллически изображающій положеніе ремесленныхъ подмастерьевъ конца среднихъ вѣковъ, — Іоганъ Янсенъ, словами котораго мы пользовались въ вышеприведенной характеристикѣ *). Однако, должно вызывать на размышленіе уже то обстоятельство, что этотъ историкъ въ доказательство благосостоянія подмастерьевъ приводитъ, между прочимъ, жалобы властей, мастеровъ и буржуазныхъ писателей на *роскошь* и *своеволіе* подмастерьевъ, ставшія, будто бы, невыносимыми. Если бы подобныя жалобы были убѣдительны, то легко было бы доказать, что наемнымъ рабочимъ во всѣ времена жилось прекрасно.

Но если присмотрѣться къ фактамъ, то окажется нѣчто, совсѣмъ не похожее на ту идиллію, которую изобразилъ Янсенъ **).

*) Johannes Jansen, Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgang des Mittelalters, I, стр. 315—342.

**) Лишь немногіе изъ новѣйшихъ историческихъ трудовъ произвели такое впечатлѣніе, какъ трудъ Янсена, и до извѣстной степени вполнѣ заслуженно. Янсенъ нанесъ сильный ударъ либеральной протестантской легендѣ относительно реформаціи и доказалъ, что за религіозными фразами реформаціи скрывались матеріальные интересы. Правда, на это было указано еще до Янсена (Марксомъ, Энгельсомъ и ихъ послѣдователями) и выяснено было, что матеріальные интересы дѣйствовали не только на протестантской, но и на католической сторонѣ, однако для большой публики это было ново; также неожиданно было для нея и то, что люди, столь высоко чтимые нынѣшними опорами порядка какъ Лютеръ и его товарищи, были революціонерами, стремившимися къ революціоннымъ цѣлямъ революціонными средствами. Человѣкъ, знакомый уже съ періодомъ реформаціи, найдетъ въ трудѣ Янсена не одно

Первыя извѣстія о ремесленныхъ подмастерьяхъ или «работникахъ» («Knechte»), какъ ихъ называли раньше, мы находимъ въ Германіи въ XIII столѣтіи. До этого же времени

указаніе, не одну новую мысль. Но мы остереглись бы рекомендовать этотъ трудъ большой публикѣ, какъ вѣрное изображеніе эпохи. Мы не знаемъ ни одного современнаго историческаго труда который на своей *невѣрности* могъ бы соперничать съ трудомъ Янсена. Янсенъ даетъ два изображенія общественныхъ отношеній въ началѣ реформаціи. Сперва онъ показываетъ дѣйствительныя или мнимыя *хорошія стороны* этихъ отношеній: такъ счастлива, говоритъ онъ, — была Германія подъ господствомъ католицизма. Затѣмъ онъ оттѣняетъ *дурныя стороны* общественныхъ порядковъ въ началѣ XVI вѣка: смотрите, восклицаетъ онъ, — до чего невѣріе позднѣйшихъ гуманистовъ довело римское право, а протестантство Германію! Къ этому прибавляется еще отвратительный способъ „излагать событія по первоисточникамъ“.

Янсенъ беретъ изъ источниковъ не факты, а, главнымъ образомъ, *отзывы* и *пожеланія*, которые затѣмъ безъ всякихъ околичностей превращаетъ въ факты. Какой-нибудь католическій цеховой уставъ рекомендуетъ членамъ цеха жить „въ братской любви и единеніи“; какое-нибудь католическое сочиненьице говоритъ, что ремесленникъ работаетъ не ради выгоды, а во исполненіе заповѣди Божьей: развѣ это не „доказательство по источникамъ“ добродѣтельности католиковъ? Какой-нибудь католическій попъ пишетъ, что преобразованіе церкви необходимо: развѣ это не ясное доказательство, что церковь могла быть преобразована безъ насильственнаго переворота, безъ разрыва съ папствомъ, преобразована такъ, чтобы Германія осталась единой и счастливой? Протестантскіе попы, по своему обыкновенію, плачутся въ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ на то, что свѣтъ со дня на день становится все безбожнѣе: развѣ изъ этого не видно, какъ испортила людей реформація? Это, вѣдь, говорятъ самые достовѣрные протестантскіе источники!

Пусть даже всѣ цитаты Янсена вѣрны, но способъ сопоставленія и употребленія ихъ дѣлаетъ изложеніе, построенное на нихъ, *фальсификаціей*. Оно не улучшается и манерой, по почину Момзена вошедшей въ моду у нѣмецкихъ историковъ, окрещивать общественныя отношенія прежнихъ временъ современными названіями и этимъ побуждать читателя упускать изъ виду историческія особенности соотвѣтствующаго времени и мѣрить ихъ нашей мѣрою. Какъ Момзенъ относительно древнихъ римлянъ употребляетъ

держаніе работниковъ ремесленниками встрѣчалось, надо думать, лишь въ рѣдкихъ случахъ, такъ что не было повода упоминать о нихъ *).

До XIV столѣтія условія для образованія особаго сословія работниковъ или подмастерьевъ были въ высшей степени неблагопріятны. Ремесленники, какъ мы уже видѣли, были частью еще зависимыми и работали на господскихъ дворахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, частью-же свободными, но не полноправными гражданами. Лишь землевладѣльцы, члены марки, обладали политическими правами, организаціи же ремесленниковъ едва имѣли право на существованіе: онѣ были прежде всего организаціями *для борьбы* **).

Ремесленная техника была еще крайне примитивной и не требовала кооперація, сотрудничества нѣсколькихъ лицъ. Каждый ремесленникъ легко могъ добыть инструменты и другія средства производства. Во многихъ промыслахъ сырые матеріалы

слова и понятія современнаго, капиталистическаго способа производства, такъ и Янсенъ обращается со средними вѣками и съ періодомъ реформаціи. „Церковное право“, заявляетъ онъ въ одномъ мѣстѣ (I, стр. 412), „говорило, что одинъ лишь трудъ создаетъ стоимости“; однако это положеніе доказывается лишь тѣмъ, что Янсенъ совершенно не понимаетъ его значенія. Такъ же любитъ онъ говорить и о «правѣ на трудъ», которое будто бы гарантировали цехи:—кому и какъ гарантировали, это мы увидимъ впослѣдствіи.

Словомъ, труда Янсена невозможно рекомендовать тому, кто ищетъ безпристрастнаго разъясненія.

*) У страссбургскихъ суконщиковъ еще въ XIII столѣтіи нѣтъ и рѣчи о постановленіяхъ относительно подмастерьевъ; въ XIV столѣтіи также оказывается мало различія между мастерами и подмастерьями (G. Schmoller, Die Strassburger Tücher- und Weberzunft, Strassburg, 1879, стр. 389; ср. стр. 451).

**) Ср. G. L. v. Maurer, l. c., II, стр. 399. Еще въ 1400 г. страссбургскіе ткачи установили принимать въ цехъ, не требуя предварительнаго пребыванія въ ученикахъ, всякаго, кто, по заявленію пяти членовъ цеха, былъ „честнаго“ происхожденія (Schmoller, l, c., стр. 402).

тогда еще доставлялъ заказчикъ, а ремесленникъ работалъ за плату и большею частью въ домѣ заказчика. Большинство ремесленниковъ были слишкомъ бѣдны, чтобы держать работниковъ; ни одинъ изъ ремесленниковъ не былъ вынужденъ наниматься въ работники, такъ какъ ни техническія, ни экономическія обстоятельства, ни законодательныя постановленія не препятствовали ему работать самостоятельно. При такихъ условіяхъ,—откуда-же могли явиться ремесленные подмастерья?

Иначе пошло дѣло, начиная съ XIV вѣка. Развивается особое сословіе подмастерьевъ со своимъ особымъ правомъ, ученичество отливается въ опредѣленныя формы. Маурерь принимаетъ (l. c., II, стр. 367), что эта новая организація ремеселъ установилась по образцу рыцарскихъ орденовъ; какъ тамъ различались пажи, оруженосцы и рыцари, такъ и въ цеховыхъ ремеслахъ различали учениковъ, подмастерьевъ и мастеровъ. Но, конечно, на это имѣли рѣшающее вліяніе и другія обстоятельства.

Въ XIV столѣтіи ремесла были важнѣйшей отраслью пріобрѣтенія въ городахъ; по своему значенію они все больше и больше становились выше сельскаго хозяйства, а часто даже и торговли. Ремесленники становились все зажиточнѣе и зажиточнѣе; сила и значеніе ихъ все возрастали: вліяніе ихъ на городское управленіе становилось все болѣе и болѣе значительнымъ.

Отдѣльные ремесленники достигли такой зажиточности, что могли держать работниковъ. Цехи пріобрѣли вліяніе на законодательство, а вслѣдствіе этого и возможность пользоваться общественной охраной своихъ частныхъ интересовъ. Но условія, приведшія къ этому развитію, создали также и элементы, изъ которыхъ ремесленные мастера могли набирать своихъ работниковъ.

Развитіе ремеселъ и торговли революціонировали также и сельскія отношенія. Объ этомъ мы скажемъ подробнѣе, когда

будемъ говорить о причинахъ крестьянскихъ войнъ. Здѣсь-же достаточно лишь замѣтить, что этотъ переворотъ, въ концѣ концовъ, не только привелъ къ крестьянскимъ войнамъ, но и вызвалъ безостановочный приливъ пролетаризированныхъ поселянъ въ цвѣтущіе города, обѣщавшіе защиту, свободу и благосостояніе.

Какъ силенъ былъ приливъ въ (сравнительно) большіе города извнѣ, т. е. изъ селъ, мѣстечекъ и мелкихъ городишекъ, это ясно показываютъ изслѣдованія Бюхера въ его прекрасномъ трудѣ о населеніи Франкфурта-на-Майнѣ въ XIV и XV вѣкахъ *).

Такъ, во Франкфуртѣ приростъ новыхъ гражданъ мужескаго пола, христіанской религіи, т. е. не считая сыновей старыхъ гражданъ,—равнялся:

Въ періодъ съ—		Средн. число въ годъ:
1311 по 1350 г.	—1283 чел.	32 челов.
1351 „ 1400 „	—1553 „	31 „
1401 „ 1450 „	—2506 „	50 „
1451 „ 1500 „	—2537 „	51 „

Такимъ образомъ, приливъ все усиливается, по мѣрѣ приближенія къ XVI столѣтію.

Но и раіонъ, изъ котораго набираются новоприбывающіе граждане, тоже все больше и больше расширяется. На каждыхъ 100 гражданъ Франкфурта было происходившихъ изъ окрестностей, удаленныхъ отъ города:

Въ періодъ съ—	До 2 миль:	Отъ 2 до 10 миль:	Отъ 10 до 20 миль.	Болѣе 20 миль:
1311 по 1350 г.	54,8	30.5	6,5	3,2
1351 „ 1400 г.	39,4	42,9	11,1	6,6
1401 „ 1450 г.	22,9	54,4	12,6	10,1
1421 „ 1508 г.	23,2	51,1	11,3	14,3

Не весь приливъ извнѣ принимался въ число гражданъ; чѣмъ больше пролетаризированныхъ элементовъ устремлялось

*) Ср. также рецензію объ этой книгѣ Карла Лампрехта въ „Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik“, Tübingen, 1888, I, стр. 485 и слѣд.

въ города, тѣмъ больше должно было увеличиваться тамъ количество необезпеченнаго населенія. Но у насъ нѣтъ надлежащихъ извѣстій, чтобы установить это статистическими данными. Мы должны удовлетвориться лишь указаніемъ на то, что число *бѣдныхъ* въ нѣмецкихъ городахъ въ концѣ XV и началѣ XVI в. возрасло до невѣроятной степени. Въ Гамбургѣ въ 1451—1538 гг. бѣдные, говорятъ, составляли 16—24% населенія; въ Аугсбургѣ въ 1520 г. было, будто бы, 2000 неимущихъ. Откуда происходили эти элементы, мы можемъ лишь догадываться; но всѣ обстоятельства указываютъ на то, что приливъ пролетаризированныхъ элементовъ изъ селъ игралъ большую роль въ этомъ поразительномъ возрастаніи городского пролетаріата лохмотниковъ.

Новоприбывающіе, конечно, старались пристроиться къ ремесламъ или, по крайней мѣрѣ, обучить имъ своихъ дѣтей. Теперь къ услугамъ ремесленныхъ мастеровъ было много работниковъ и учениковъ, а скоро даже больше, чѣмъ имъ было бы пріятно. Ибо, понятно, работники старались при первой возможности устроиться самостоятельно, стать мастерами: число ремесленниковъ возрастало быстрѣе, чѣмъ спросъ на ихъ продукты. Если раньше цехъ принималъ съ распростертыми объятіями каждаго новоприбывающаго, какъ желаннаго союзника въ борьбѣ, то теперь онъ въ каждомъ новомъ пришельцѣ видѣлъ непріятнаго конкуррента для членовъ цеха, и безъ того уже слишкомъ многочисленныхъ. Сила цеховъ основывалась теперь уже не на кулакахъ, а на кошелькахъ ихъ членовъ, кошельки-же эти были тѣмъ полнѣе, чѣмъ меньше была конкурренція въ данномъ ремеслѣ. Поэтому цехи становились все замкнутѣе, они все больше и больше пользовались своимъ политическимъ и экономическимъ вліяніемъ для того, чтобы затруднить постороннимъ, именно сельскимъ элементамъ, доступъ къ ремесламъ, внутри-же самихъ ремеселъ превратить званіе мастера во все менѣе и менѣе доступную привиллегію. Уста-

новленія, служившія этой цѣли, возникли не въ періодъ «окостенѣнія» цехового строя: образованіе ихъ началось въ XIV вѣкѣ, а въ XVI оно уже въ существенныхъ частяхъ закончилось. Слѣдующія столѣтія не прибавили къ нимъ ничего значительнаго; такимъ образомъ, они являются продуктомъ цехового строя въ періодъ его расцвѣта, въ тотъ періодъ, который представляется, какъ идеалъ, столь многимъ идеализаторамъ цеховъ.

II. Ученикъ, подмастерье, мастеръ.

Уже при пріемѣ учениковъ обнаруживалась исключительность цеховъ. Началомъ послужило недопущеніе къ ремесламъ *женщинъ*: въ ученики допускались только лица мужеского пола.

Первоначально ремесла вовсе не составляли привиллегіи мужчинъ. Относительно Германіи по этому предмету не сохранилось отчетливыхъ указаній въ документахъ. Во Франціи же это стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній. «Изъ ста ремеселъ, уставы которыхъ приведены въ трудѣ Буало *), лишь два прямо не допускали женскаго труда, въ третьемъ же женщинамъ запрещались лишь нѣкоторыя операціи. Во всѣхъ этихъ трехъ ремеслахъ, какъ можно видѣть изъ уставовъ и постановленій, въ предшествовавшій періодъ допускался женскій трудъ и веденіе ремеселъ женщинами. Въ восьми-же дальнѣйшихъ ремеслахъ женщины прямо признаются правоспособными и права ихъ одинаковы съ правами мужчинъ. Затѣмъ, шесть слѣдующихъ ремеселъ велись исключительно или преимущественно женщинами и, какъ и остальныя, имѣли подраздѣленія на учениць, подмастерицъ и мастерицъ, со всѣми отличительными особенностями цеховыхъ ремеселъ, и находились подъ управленіемъ и надзоромъ старшинъ частью изъ женщинъ, частью-же изъ

*) Boileau, Règlements sur les arts et métiere de Paris.

женщинъ и мужчинъ. Въ остальныхъ-же ремеслахъ, хотя и не было прямо признано, что, кромѣ женъ и дочерей мастеровъ, къ работѣ допускаются также и посторонія женщины, но и запрещенія этого нельзя вывести непосредственно изъ ихъ уставовъ» *).

Тѣмъ не менѣе и въ Германіи изъ XIV вѣка сохранились примѣры, когда женщины или составляли свои особые цехи, какъ прядильщицы въ Кельнѣ, или принадлежали къ общему цеху съ мужчинами и самостоятельно занимались своими ремеслами.

Уставъ портныхъ во Франкфуртѣ на Майнѣ отъ 1377 г. говоритъ: «Если захочетъ заниматься ремесломъ женщина, не имѣющая мужа, то она должна предварительно стать гражданкой и уладить это съ совѣтомъ; исполнивъ это, она должна внести въ пользу цеха (Handwerk) 30 шиллинговъ и поставить четверть вина членамъ цеха (die vom Handwerk); по выполненіи этого она со своими дѣтьми имѣетъ право заниматься ремесломъ».

Тѣ-же самыя условія ставились и мужчинамъ **).

И къ другимъ ремесламъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доступъ женщинамъ былъ открытъ еще въ XIV столѣтіи: такъ, напр. въ Кельнѣ мясники, мастера, дѣлавшіе кошельки, расшивавшіе гербы, изготовлявшіе пояса, на равныхъ правахъ принимали въ свои цехи и женщинъ. Но въ общемъ *посторонія* женщины уже въ XIV вѣкѣ были лишены права заниматься ремеслами. Въ большинствѣ ремеслъ это право сохранилось до XVI вѣка лишь за женами и дочерями мастеровъ. Затѣмъ и оно исчезло. Съ тѣхъ поръ удаленіе женскаго пола отъ ремесленнаго труда стало принципіальнымъ и полнымъ.

Но и среди учениковъ мужескаго пола начали дѣлать выборъ, и одинъ слой населенія за другимъ лишался права на-

*) Fr. W. Stahl, Das deutsche Handwerk, Giessen, 1874, стр. 68.
**) Stahl, l. c., стр. 80.

править своихъ дѣтей въ ремесленники. Въ концѣ концовъ, дѣло дошло въ различныхъ ремеслахъ до того, что отъ учениковъ требовали *родословной.* Мастеръ могъ принимать въ ученики лишь тѣхъ мальчиковъ, которые могли указать опредѣленный рядъ предковъ *законнаго*, *свободнаго* и «*честнаго*» *) происхожденія. Требованіе доказательства законнаго происхожденія въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній сразу устранило значительную часть пролетаріевъ. Требованіе-же доказательства *свободнаго* происхожденія закрыло доступъ къ цеховымъ ремесламъ тѣмъ, которые происходили отъ зависимыхъ крестьянъ. Наконецъ, «безчестными» считались преимущественно тѣ промыслы, въ которыхъ стекающіеся въ города крестьяне скорѣе всего могли найти занятія, нѣкоторыя ремесла, существовавшія по селамъ безъ цеховой организаціи, а также тѣ занятія, къ которымъ обращались преимущественно деклассированные изъ среды городского населенія. Мауреръ **) перечисляетъ, въ качествѣ такихъ «безчестныхъ» промысловъ, занятія овчаровъ, мельниковъ, ткачей, изготовлявшихъ холстъ ***), затѣмъ судебныхъ и городскихъ служителей, полевыхъ сторожей, могильщиковъ, ночныхъ сторожей, надсмотрщиковъ за нищими, чистильщиковъ улицъ ручьевъ, каналовъ и палачей, потомъ — сборщиковъ пошлинъ, свирѣльщиковъ, и трубачей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ также—цирульниковъ и баньщиковъ.

Самымъ старымъ актомъ, предписывавшимъ не допускать

---

*) Мало того, въ нѣкоторыхъ городахъ требовалось даже доказательство законнаго *зачатія.* Ясно, что это требованіе могло служить поводомъ къ самымъ сильнымъ прижимкамъ непріятныхъ лицъ.

**) L. c., II, стр. 447.

***) Изготовленіе холста было большею частью сельскимъ кустарнымъ промысломъ. Въ XV столѣтіи эти ткачи массами переселялись въ города. Напр., въ 1488 г. изъ Швабіи переселилось въ Ульмъ 400 сельскихъ ткачей. Неудивительно, что здѣсь старались защищаться отъ такого наплыва.

этихъ элементовъ къ занятію ремеслами, можно считать свитокъ бременскаго сапожничьяго управленія отъ 1300 г. (Правда, онъ сохранился лишь въ копіяхъ XVII вѣка, въ которыхъ, можетъ быть, онъ былъ приспособленъ къ потребностямъ времени). Въ этомъ документѣ запрещалось обучать ремесламъ *ткачей*, изготовлявшихъ холстъ, и *посыльщиковъ* *).

Срокъ пребыванія въ ученикахъ возможно больше увеличивали.

Первоначально не было никакихъ постановленій по этому предмету и вообще, никакой принудительности ученія. Первые дошедшіе до насъ уставы, предписывающіе обязательное ученіе, относятся къ 1304 г., когда оно было введено для мельниковъ, шапочниковъ, кожевниковъ. Лишь въ XV столѣтіи оно становится всеобщимъ.

Само время ученія было различно. Мы находимъ его срокомъ въ одинъ годъ (въ мастерствѣ стрижки сукна въ Кельнѣ въ XIV столѣтіи) и въ восемь лѣтъ (у золотыхъ дѣлъ мастеровъ тамъ-же и въ то-же время). Въ Англіи время ученія очень растягивалось,—до двѣнадцати лѣтъ (наконецъ, принято было за правило восемь лѣтъ): за то тамъ ученикъ, по окончаніи срока ученія, не встрѣчалъ уже законныхъ препятствій къ тому, чтобы стать мастеромъ **).

Въ Германіи время ученія было не такъ продолжительно. Зато между нимъ и полученіемъ званія мастера былъ вдвинутъ срокъ обязательнаго пребыванія въ подмастерьяхъ и онъ возможно больше увеличивался, особенно вслѣдствіе введенія «годовъ странствованія» ***).

---

*) V. Böhmert, Beiträge zur Geschich te des Zunftwesens, Leipzig, 1862, стр. 16, 68.

**) Это, конечно, одна изъ причинъ того, что въ Англіи невозможно открыть организацій подмастерьевъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существовали въ Германіи.

***) „Годы странствованія"—Wanderjahre—это время, которое подмастерье, сперва по обычаю, а затѣмъ, вслѣдствіе цеховыхъ тре-

Въ качествѣ *обычая*, странствованія подмастерьевъ упоминаются уже въ XIV столѣтіи, однако нигдѣ не было *принудительности* ихъ, а бывали *запрещенія*. Первое упоминаніе объ обязательномъ странствованіи мы встрѣчаемъ въ 1477 г. у ткачей шерстяныхъ матерій въ Любекѣ, которые требуютъ, чтобы *сынъ мастера* раньше, чѣмъ стать мастеромъ, пробылъ въ странствованіи годъ и одинъ день. *О подмастерьяхъ* здѣсь нѣтъ еще и рѣчи. Въ XVI столѣтіи обязательность странствованія начинаетъ встрѣчаться чаще *).

Обязательный срокъ странствованія простирался отъ одного года до шести лѣтъ; большею-же частью онъ былъ отъ одного года до четырехъ лѣтъ.

Дальнѣйшее средство предупредить чрезмѣрное увеличеніе ремесленниковъ состояло въ ограниченіи числа учениковъ и подмастерьевъ, которыхъ могъ держать мастеръ. Богатымъ мастерамъ препятствовали стать чистыми капиталистами и дѣлать слишкомъ большую конкурренцію мелкимъ мастерамъ.

Такія ограниченія числа учениковъ и подмастерьевъ встрѣчаются уже въ XIV столѣтіи.

Такъ, напр., 1836 г. бюргермейстеръ (городской голова) и цеховые мастера города *Констанца* издали распоряженіе, въ которомъ они жалуются, «что нѣкоторые мастера держатъ много работниковъ, что вредно и опасно для другихъ. Поэтому каждому мастеру *запрещается держать болѣе пяти работниковъ и двухъ учениковъ*» **).

Въ XV столѣтіи эти ограниченія становятся всеобщими ***)

бованій, долженъ былъ пробыть („странствовать“ — wandern) въ другихъ краяхъ, чтобы усовершенствоваться въ своемъ ремеслѣ. *Пер.*

*) Въ Англіи ея никогда не было.

**) G. Schanz, Zur Geschichte der deutschen Gesellenverbände, Leipzig, 1877, стр 9.

***) Schmoller, l. c., стр. 453. Karl Bücher, Die Bevölkerung von Frankfurt a. M. im 14 und 15 Jahrhundert, I, стр. 607. Karl Werner, Die urkundliche Geschichte der Iglauer Tuchmacherzunft, Leipzig, 1861, стр. 17, 29. F. Ruby, Das Iglauer Handwerk urkundlich dargestellt, Brünn, 1887, стр. 114.

Не каждому подмастерью уже можно было стать самостоятельнымъ. Работа зависимаго ремесленника въ господскомъ дворѣ исчезла, и работа свободнаго ремесленника въ домѣ заказчика тоже или исчезала, или совершенно исчезла. Ремесленники обрабатывали теперь свои собственные продукты въ своихъ собственныхъ мастерскихъ; они должны были имѣть дома и средства для пріобрѣтенія матеріаловъ. Хорошее ремесленное заведеніе требовало въ нѣкоторыхъ промыслахъ уже извѣстнаго состоянія. Зажиточность все больше и больше становилась не только результатомъ, но и необходимымъ условіемъ самостоятельнаго занятія ремесломъ. Не удивительно, что возрастало число работниковъ, которые никогда не достигали самостоятельности, которые осуждены были всю свою жизнь оставаться работниками.

Но тѣмъ не менѣе число подмастерьевъ, становившихся мастерами, все еще возрастало быстрѣе, чѣмъ это было бы пріятно лицамъ, уже ставшимъ самостоятельными. Поэтому означенную тенденцію экономическаго развитія старались усилить законодательными мѣрами, и достиженіе званія мастера, которое въ XIII столѣтіи еще не было сопряжено съ какими-либо обременительными условіями, все болѣе и болѣе затруднялось. Большая часть этихъ условій возникла въ XV столѣтіи.

Раньше, чѣмъ стать мастеромъ, подмастерье долженъ былъ пріобрѣсти право гражданства въ городѣ; если это ему удавалось, то онъ долженъ былъ часто цѣлые годы ждать полученія правъ мастера.

Такъ, напр., въ уставѣ ульмскихъ ткачей отъ 1403 г. говорится: «Граждане, *пять лѣтъ* живущіе въ Ульмѣ своими домами, могутъ обучать своихъ дѣтей ткацкому ремеслу и, по окончаніи срока ученія, покупать имъ цеховое право. Но если посторонній ткачъ, прибывшій изъ села или изъ другого города, пріобрѣтетъ право гражданства, то онъ все-таки въ теченіе пяти лѣтъ не можетъ заниматься ткацкимъ ремесломъ, и до окончанія этого срока ему не можетъ быть дано цехо-

вое право. *Работникамъ*-же (Knappen oder Knechten) нисколько не поможетъ то, что они пробыли здѣсь пять лѣтъ: цеховое право можетъ быть дано имъ не раньше, какъ *спустя пять лѣтъ послѣ пріобрѣтенія ими права гражданства»* *).

Дальнѣйшимъ условіемъ было представленіе образцовой работы. Оцѣнивали работу, понятно, цеховые мастера, т. е. будущіе конкурренты. Родословная изучалась еще тщательнѣе, чѣмъ при пріемѣ въ ученики; кандидатъ въ мастера долженъ былъ внести за пріемъ большую плату и устроить дорогой пиръ для цеховыхъ мастеровъ.

Не легко было подмастерью удовлетворить всѣмъ этимъ условіямъ. Романтическіе идеализаторы хотятъ убѣдить насъ, будто этимъ имѣлось въ виду лишь обезпечить интересы потребителя, гарантировать ему прочную и хорошую работу. Однако, какъ мало это было дѣйствительной причиной вышеупомянутыхъ ограниченій, видно не только изъ различныхъ заявленій самихъ заинтересованныхъ **), но въ особенности изъ того, что они для сыновей мастеровъ, а часто и для людей, женившихся на дочеряхъ и вдовахъ мастеровъ, или совершенно не примѣнялись, или значительно уменьшались и были простой формальностью. Здѣсь изумительнымъ образомъ прекращалась тщательная забота объ «охранѣ сословной чести». И это началось не въ періодъ «вырожденія» цехового строя, какъ насъ ста-

*) G. Schanz, l. c., стр. 8.

**) Такъ, цехъ суконщиковъ въ Иглау въ одномъ заявленіи совѣту этого города (1510) прямо говоритъ, что онъ требуетъ увеличенія времени ученія до пяти лѣтъ для того, «чтобы не такъ легко можно было стать мастеромъ» (Karl Werner, l. c., стр. 30). Архіепископъ Майнцскій рекомендовалъ въ 1597 г. кожевникамъ и сѣдельщикамъ различныхъ городовъ долгій срокъ ученія и странствованія, «чтобы пріемъ въ кожевники и сѣдельщики былъ для нихъ благопріятенъ и чтобы не отбивали у нихъ хлѣба неискусные рабочіе» (Stahl, l. c., 40, 41).

раюзя увѣрить. Уже въ XIV столѣтіи ремесло мясниковъ во Франкфуртѣ, сапожниковъ въ Бременѣ предоставлялось сыновьямъ и дочерямъ мастеровъ. Мало того, въ XV столѣтіи мы встрѣчаемъ уже попытки превратить цехи въ *замкнутыя* организаціи, заранѣе установить число мастеровъ. Въ Гамбургѣ мясники въ 1468 г. просятъ совѣтъ уменьшить число ихъ съ 50 до 40; въ томъ-же городѣ число золотыхъ дѣлъ мастеровъ было ограничено 12, въ Вормсѣ число содержателей винныхъ погребовъ—44. И *наслѣдственность* званія мастера мы тоже встрѣчаемъ уже въ это время.

Эти ограниченія прежде всего имѣли два важныхъ послѣдствія: съ одной стороны, они обостряли дѣйствіе увеличивавшейся пролетаризаціи сельскаго населенія и много способствовали возникновенію *городского пролетаріата*, стоявшаго внѣ всякой цеховой организаціи, а съ другой, вносили въ само цеховое ремесло антагонизмъ между *мастерами и подмастерьями*. Все меньше становилось число мастеровъ сравнительно съ числомъ подмастерьевъ, все строже преслѣдовали всѣхъ тѣхъ, кто пытался добиться самостоятельности помимо цеха: вскорѣ запрещено было также заниматься ремеслами внѣ города *), въ предмѣстьяхъ и даже въ селахъ, удаленныхъ отъ города иногда на нѣсколько миль, большею-же частью на одну милю (такъ называемая Bannmeile), что подало поводъ къ ожесточеннѣйшей борьбѣ между цеховыми городскими мастерами и непринадлежавшими къ цехамъ ремесленниками въ селахъ и предмѣстьяхъ, — борьбѣ, отразившейся и въ крестьянской войнѣ. Между тѣмъ, какъ сельское населеніе массами

*) Такъ, напр., въ 1500 г. въ Цвиккау было постановлено, что въ окрестныхъ селахъ (Bannmeile) не могутъ селиться ткачи, изготовляющіе холстъ, кромѣ одного ткача въ каждомъ болѣе значительномъ селѣ. Подобныя-же ограниченія относительно другихъ сельскихъ ремесленниковъ издавались тамъ уже въ 1421 и 1492 гг., хотя и не безъ противодѣйствія. E. Herzog, Chronik der Kreistadt Zwickau, 1845, II, стр. 154, 162.

устремлялось въ города, и все больше возрастало число тѣхъ, которые искали работы въ качествѣ работниковъ и подмастерьевъ, подмастерьямъ становилось все труднѣе попасть въ мастера. Такимъ образомъ, возрастало число людей, обреченныхъ всю жизнь оставаться подмастерьями; званіе подмастерья начало изъ простой переходной ступени отъ ученичества къ мастерству превращаться въ постоянное положеніе для многочисленныхъ рабочихъ. Вскорѣ подмастерье сталъ чувствовать себя уже не будущимъ мастеромъ, а человѣкомъ, эксплуатируемымъ мастеромъ; интересы его приходили все въ большее и большее противорѣчіе съ интересами мастера.

III. Борьба между мастерами и подмастерьями.

Антагонизмъ между мастерами и подмастерьями въ концѣ среднихъ вѣковъ все болѣе и болѣе обострялся. Когда еще мастеръ былъ главнымъ работникомъ, развѣ лишь изрѣдка бравшимъ помощника, у него не было основанія чрезмѣрно растягивать рабочее время, отъ чего онъ самъ больше всего пострадалъ бы. Работникъ ѣлъ съ нимъ изъ одной миски,—не стоило труда для него одного готовить отдѣльно; если шли дѣла хорошо мастера, то и работнику было хорошо, интересы ихъ были тожественны. При этомъ денежная плата играла въ началѣ товарнаго производства лишь ничтожную роль,—нерѣдко мастеръ и работникъ просто дѣлили между собою выручку.

У страссбургскихъ ткачей господствовалъ такой обычай, что работникъ работалъ вмѣстѣ съ мастеромъ за третью часть или за половину общей выручки *). То-же самое находимъ мы у золотыхъ дѣлъ мастеровъ въ Ульмѣ, по уставу 1364 г. **).

Поводы для раздоровъ не чисто личнаго характера, а вы-

*) Schmoller, l. c., стр. 416.

**) Stahl l. c., стр. 332.

текающіе изъ противоположности классовыхъ интересовъ, едва ли и встрѣчались при такихъ обстоятельствахъ.

Все это измѣнялось, лишь только число подмастерьевъ въ заведеніи становилось болѣе значительнымъ. Надзирать за четырьмя или пятью подмастерьями было не такъ просто, какъ за однимъ. Мастеръ изъ старшаго рабочаго превращался въ понудителя, старавшагося выжать изъ подмастерьевъ возможно больше работы. По мѣрѣ того, какъ ихъ трудъ возросталъ, облегчался трудъ мастера. Если работало очень много работниковъ, то одного ихъ труда было достаточно не только для ихъ содержанія, но и для того, чтобы доставить мастеру изрядный доходъ. Иногда мастеръ тяготился даже понужденіемъ; въ такомъ случаѣ онъ избавлялся отъ него введеніемъ *сдѣльной* платы, которая развивается съ XIV вѣка. Особенно въ ткацкомъ ремеслѣ можно прослѣдить ея постепенное развитіе*) И уже въ XV столѣтіи иногда находили нужнымъ запрещать мастерамъ не работать лично.

Чѣмъ меньше мастеръ работалъ лично, тѣмъ больше приходилось ему заставлять работниковъ вырабатывать для него прибавочную стоимость, тѣмъ сильнѣе стремился онъ къ увеличенію ихъ рабочаго времени. Правда, продолжительности рабочаго *дня*, повидимому, не касались, но уже сказывалось стремленіе къ устраненію «понедѣльничанья» и къ введенію работы во многіе *праздничные* и даже воскресные дни.

Въ *Саксоніи* герцогъ Генрихъ издалъ въ 1522 г., непосредственно передъ началомъ крестьянской войны, строгое предписаніе, которымъ онъ запрещалъ работать въ праздничные дни, но вмѣстѣ съ тѣмъ также объявлялъ, что и подмастерьямъ не позволяется праздновать «вольный» или «добрый» понедѣльникъ» **). Когда портные-подмастерья въ Везелѣ устроили въ

*) Schanz, Gesellenverbände, стр. 109.

**) C. W. Hering, Geschichte des sächsischen Hochlandes, Leipzig, 1828, II, 31.

1503 г. стачку, бюргермейстеръ констатировалъ въ цеховомъ собраніи, что эти подмастерья народъ очень неспокойный, «но и мастера много виноваты, такъ какъ они не хотятъ давать подмастерьямъ три раза въ день порядочную пищу, чего тѣ конечно, могутъ требовать, и слишкомъ обременяютъ ихъ работою». Онъ грозилъ мастерамъ наказаніемъ, если они и впредь «будутъ заставлять работать утромъ до обѣдни въ праздничные и воскресные дни» и «таскать за волосы, а тѣмъ болѣе бить», учениковъ. Эта бюргермейстерская рѣчь отмѣчена у Янсена*):—къ его цеховой идилліи она подходитъ мало.

Рядомъ со стремленіемъ увеличить рабочее время, шло стремленіе ухудшить содержаніе и уменьшить плату работниковъ. Когда нужно было кормить до пяти подмастерьевъ и двухъ или болѣе учениковъ, то стоило уже готовить для нихъ отдѣльно. Это давало возможность «сберечь» кое-что на ихъ содержаніи, не уменьшая довольства семьи мастера. Принадлежность подмастерья къ семьѣ мастера, такъ прельщающая Янсена и его товарищей, стала рычагомъ эксплуатаціи подмастерьевъ.

Но еще больше, чѣмъ на содержаніи, «бережливые» мастера, понятно, старались выгадать на платѣ. При равенствѣ остальныхъ условій, стремленіе къ уменьшенію платы тѣмъ больше, чѣмъ больше занято рабочихъ. Если работаетъ одинъ наемный рабочій, то одинъ - два пфеннига въ день, которые можно было бы выгадать на немъ, не имѣютъ, значенія; но если эксплуатируется сотня рабочихъ, то нѣсколько пфенниговъ въ день съ каждаго дадутъ столько-же марокъ, а въ годъ разница будетъ уже на тысячи марокъ. Въ малыхъ размѣрахъ это обстоятельство сказалось уже въ концѣ среднихъ вѣковъ. Конечно, далеко было еще до того, чтобы одинъ предприниматель занималъ въ промышленности сто наемныхъ рабочихъ. Если кто держалъ шесть-семь подмастерьевъ, то это обыкно-

*) 1 с., I., стр. 337

венно значительно превышало нормальное и дозволенное число. Но все-же и этого уже было достаточно, чтобы стремленіе къ уменьшенію заработной платы сказалось сильнѣе, чѣмъ въ то время, когда ремесло еще не «процвѣтало», и лишь немногіе ремесленники получали возможность держать хоть одного подмастерья.

Съ другой стороны, возрастало стремленіе работниковъ повысить заработную плату—особенно въ Германіи по причинѣ переворота въ цѣнахъ, бывшаго слѣдствіемъ быстраго возрастанія доходности серебряныхъ и золотыхъ рудниковъ въ XV столѣтіи и предшествовавшаго еще болѣе рѣшительному перевороту, вызванному въ XVI столѣтіи открытіемъ сокровищъ Америки и грозившему охьатить всю цивилизованную Европу. Рядомъ съ переворотомъ въ производствѣ благородныхъ металловъ, возвышенію цѣнъ способствовали также монополіи торговыхъ обществъ. Но одновременно съ этимъ возрастала также роскошь, возрастали потребности у *всѣхъ* сословій, въ томъ числѣ и у ремесленныхъ мастеровъ. Не удивительно, что и работники, которые жили съ мастерами и еще недавно были почти равны имъ, тоже норовили принять участіе въ этомъ общемъ подъемѣ условій жизни.

Поэтому именно по вопросу относительно *заработной платы* антагонизмъ между мастерами и подмастерьями въ XV и началѣ XVI вѣка все болѣе и болѣе обострялся.

Это, вмѣстѣ съ антагонизмомъ въ другихъ отношеніяхъ, на которыя мы уже указывали, было причиною того, что столкновенія между мастерами и подмастерьями, начавшіяся еще въ XIV вѣкѣ, становились все многочисленнѣе и ожесточеннѣе, по мѣрѣ приближенія къ XVI вѣку.

Идеализаторы цеховъ и романтики любятъ противопоставлять капиталистической промышленности цеховыя ремесла, какъ способъ производства, бывшій настоящимъ эльдорадо для рабочихъ и совершенно не знавшій классовой ненависти. Лишь

капитализмъ—или, какъ любятъ выражаться въ полу-Азіи: «жидовство»—изгнало, дескать, этику изъ экономической жизни и посѣяло ядовитое сѣмя классовой ненависти. Но еще цеховые мастера и землевладѣльцы XIV и XV вѣковъ оказываются очень далекими отъ этой пресловутой райской невинности до-капиталистическихъ временъ,—не говоря уже о позднѣйшихъ столѣтіяхъ, когда, какъ утверждаютъ, капиталистическое грѣхопаденіе произвело уже свое дѣйствіе. Еще «процвѣтаніе» цеховыхъ ремеселъ основывалось на эксплуатаціи наемныхъ рабочихъ и вызвало ожесточеннѣйшую классовую борьбу.

Совершенно вѣрно говоритъ Шанцъ въ своей прекрасной книгѣ, нанесшей по вопросу о положеніи подмастерьевъ тяжелый ударъ «этическимъ» разглагольствованіямъ «исторической» школы: «надо подумать и объ этомъ фактѣ (обнирательствѣ рабочихъ), если говорить, какъ Шенбергъ (Zunftwesen, 76), о большомъ подъемѣ промышленнаго труда и всеобщемъ благосостояніи ремесленниковъ въ XIV и XV вѣкахъ; вѣдь, едва ли можно сомнѣваться, что это благосостояніе мастеровъ въ значительной степени обязано было своимъ существованіемъ лишь недостаточно оплаченному труду подмастерьевъ, съ тоскою взиравшихъ на свое будущее» *).

Но какъ ни сильны были цехи, какъ ни гордились они своей автономіей, своей самостоятельностью, они не пренебрегали пользоватся и «государственной помощью» для угнетенія подмастерьевъ. Въ XV (въ Англіи даже въ XIV) столѣтіи уже издавались многочисленныя *таксы заработной платы* властями,—городскимъ совѣтомъ или государемъ, если городъ былъ подвластенъ какому либо государю. Въ это время мы находимъ уже и таксы для всей страны,—какъ для ремесленниковъ, такъ и для сельскихъ рабочихъ. Мы приведемъ здѣсь лишь одну такую таксу, вступленіе къ которой очень знаменательно. Она соста-

*) Gesellenverbände, стр. 21.

вляетъ часть земскаго устава («Landesordnung»), изданнаго для Саксоніи герцогами Эрнстомъ и Альбертомъ въ 1482 г. Здѣсь говорится: «Отъ прелатовъ, господъ, рыцарства и городовъ поступило много жалобъ, что подданные находятся въ большомъ упадкѣ и обѣднѣли, что происходитъ отъ высокаго достоинства монеты, *непомѣрной платы работникамъ и ремесленникамъ* и отъ овладѣвшаго всѣми сословіями излишества въ расходахъ на пищу, питье и одежду, въ городахъ же, главнымъ образомъ, оттого, что промыслы, какъ приготовленіе солода, пивовареніе и торговлю пивомъ, доставлявшіе средства къ существованію большинству горожанъ, захватили у нихъ нѣкоторые прелаты и дворянство, взявшіеся за это дѣло *), а также *ремесленники въ селахъ*, чего не должно быть, на что они не имѣютъ права, и что съ давнихъ временъ было не въ обычаѣ. Такимъ образомъ, по всестороннемъ разсмотрѣніи оказывается, что прежде всего нужно изготовить и выпустить *монету низшаго достоинства* для платежа работникамъ и ремесленникамъ **). Затѣмъ, нужно, чтобы впредь никто не одѣвалъ своихъ работниковъ иначе, какъ въ мѣстное платье; пусть каждый покупаетъ и даетъ какую угодно матерію, кромѣ суконъ высшаго сорта (Hosen-Kogeln-Koller und Brustlatztuch). Но если господинъ или дворянинъ даетъ своему работнику не обувь или одежду, а деньги, то пусть онъ платитъ обученному работнику 5 копъ ***), конюху 4 копы новыхъ грошей». Затѣмъ, слѣдуетъ такса платы для наем-

*) Такимъ образомъ, саксонское дворянство еще въ то время начало увеличивать свои доходы сельской промышленностью. Такъ какъ картофельная сивуха была тогда еще неизвѣстна, то оно набросилось на пивовареніе.

**) Этотъ простой способъ надувательства рабочихъ при платежѣ можетъ вызвать зависть и удивленіе не у одного изъ современныхъ биметаллистовъ.

***) Копа (Schock) шестьдесятъ штукъ чего либо: въ данномъ случаѣ—60 грошей. *Перев.*

ныхъ рабочихъ и дальше говорится: «Простому рабочему съ содержаніемъ —9 новыхъ грошей, безъ содержанія—16 грошей. Мастеровымъ къ обѣду и ужину надо давать только четыре блюда въ скоромные дни—супъ, *два мясныхъ блюда* и овощи; въ пятницу и другіе дни, когда мяса не ѣдятъ,—супъ, одно блюдо изъ свѣжей или вяленой рыбы и два блюда изъ овощей; когда же нужно поститься—*пять блюдъ*: супъ, два блюда изъ рыбы и два изъ овощей и, сверхъ того, 18 грошей, а простому мастеровому 14 грошей платы въ недѣлю; если-же эти мастеровые работаютъ на своемъ содержаніи, то надо давать полировщику не болѣе 27 грошей, а простому каменьщику и т. п.—не болѣе 23 грошей въ недѣлю *).

У кого изъ рабочихъ вѣка пара и электричества не потекутъ слюнки при мысли о такомъ принудительно-декретируемомъ «постѣ» конца «мрачныхъ» среднихъ вѣковъ! Правительственныя ограниченія заработной платы и содержанія тоже вѣдь принадлежатъ къ тѣмъ фактамъ, изъ которыхъ Янсенъ и consortes съ торжествомъ выводятъ, какъ счастливы были, въ какомъ довольствѣ жили рабочіе въ до-капиталистическое время.

Эти постановленія, дѣйствительно, имѣютъ уничтожающее значеніе для либеральной легенды о благахъ, которыми современная цивилизація, будто бы, осыпала пролетаріевъ. Однако они отнюдь не доказываютъ, что наемные рабочіе въ то время *чувствовали себя* особенно счастливыми. Чтобы понять положеніе какого-либо класса, еще недостаточно знать его само по себѣ: необходимо сравнить его съ положеніемъ *другихъ* классовъ, съ *общими потребностями* времени. Теперь, въ общемъ, одѣваются менѣе роскошно, въ особенности мужчины;

---

*) Hunger, Geschichte der Abgaben, стр. 22. Ср. таксу заработной платы для ремесленниковъ, изданную совѣтомъ города Фрейбурга въ 1475 (Hering, Geschichte des sächsischen Hochlandes, II, стр. 17).

теперь, въ общемъ, и меньше ѣдятъ. Такіе обѣды и ужины, какіе предписаны саксонскимъ земскимъ уставомъ 1482 г., намъ кажутся очень обильными. Но въ сравненіи съ колоссальной массой пищи, какую тогда привыкли потреблять, они оказываются нѣсколько скудными *).

Но и одна эта сравнительная оцѣнка тоже еще недостаточна. Характеръ общества опредѣляется меньше состояніемъ его *въ данный моментъ*, чѣмъ *направленіемъ его развитія.* Недовольство вызываютъ не столько бѣдствія сами по себѣ, какъ тѣ бѣдствія, въ которыя *ввергаются* люди, или въ которыхъ они вынуждены *оставаться*, между тѣмъ какъ рядомъ-же другіе *достигаютъ* благосостоянія. И чѣмъ быстрѣе идетъ развитіе, тѣмъ рѣзче сказываются его тенденціи, тѣмъ

*) Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ очень любили хорошо и обильно поѣсть и попить. Изъ безчисленнаго множества примѣровъ мы приведемъ лишь нѣсколько, случайно попавшихся намъ. Для пиршества, устроеннаго въ 1246 г. на берегу Дуная близъ Вѣны, по случаю бракосочетанію племянницы Оттокара-Пршемысла II, Кунигунды, съ венгерскимъ принцемъ Белою, „доставлены были изъ Австріи, Штиріи и Моравіи всевозможные припасы въ неимовѣрномъ количествѣ: мелкій и крупный откормленный скотъ покрывалъ весь островъ Дуная и сосѣдній лугъ; дичи и птицы было, собственно говоря, безчисленное множество; на хлѣбъ заготовлено было до 1000 мѣръ (Muth) пшеницы, а вина столько, что его хватило бы для населенія двухъ странъ на нѣсколько дней“. (F. Palacky, Geschichte von Böhmen, Prag, 1866, II, стр. 1, 188). Это напоминаетъ описаніе Рабле.—Въ 1561 г. на свадьбѣ Вильгельма Оранскаго ушло: 4000 шеффелей пшеницы, 8000 шеффелей ржи, 13000 шеффелей овса, 3600 ведеръ вина, 1060 бочекъ пива. На большомъ пиршествѣ по случаю смерти Альбрехта Баварскаго въ 1509 г. было не менѣе 236 блюдъ.—На свадебномъ пирѣ, считавшемся особенно скромнымъ, одного аббата (близъ Хельмштэдта), перешедшаго въ 1569 г. въ протестантство, 110 человѣкъ съѣли: 2 быковъ, 3 свиней, 10 телятъ, 10 ягнятъ, 60 куръ, 120 карповъ, 10 щукъ, чанъ мелкой рыбы, 600 яицъ и два круга сладкаго сыра. (A. Schlossar, Speise und Trank vergangener Zeiten in Deutschland, Wien, 1877, стр. 33, 35).

энергичнѣе реагируютъ противъ нихъ нарушаемые ими интересы, тѣмъ напряженнѣе общественная борьба. Передъ французской революціей бѣдствія въ Германіи были значительнѣе, чѣмъ во Франціи, а все-таки переворотъ нашелъ свою исходную точку во Франціи, потому что экономическое развитіе тамъ шло быстрѣе. Съ 1870 г. Германія является въ Европѣ тѣмъ государствомъ, въ которомъ экономическое развитіе идетъ быстрѣе всего: она, а не Англія, стала центромъ соціалъ-демократическаго движенія; конечно, въ Англіи соціальныя противорѣчія гораздо больше, но за нѣсколько послѣднихъ десятилѣтій они увеличиваются сравнительно медленно. Страной, въ которой въ настоящее время экономическое развитіе идетъ быстрѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ мірѣ, являются Соединенные Штаты; нѣтъ ничего невозможнаго, что черезъ одно-два десятилѣтія центръ тяжести соціалистическаго движенія перейдетъ туда, хотя въ Америкѣ положеніе рабочихъ въ среднемъ лучше, чѣмъ гдѣ-либо.

Но о *развитіи* мы узнаемъ очень мало у нашихъ историковъ культуры. Наши либеральные историки обстоятельно выясняютъ рабочимъ, какъ много причинъ есть у нихъ считать себя счастливыми: они, дескать, благодаря машинамъ, могутъ позволить себѣ роскошь употребленія чулокъ и носовыхъ платковъ, которые прежде были недоступны даже самымъ могущественнымъ изъ монарховъ. Консервативные-же историки указываютъ намъ нѣсколько перечней блюдъ, таксъ заработной платы и распоряженій относительно платья изъ XV или XVI столѣтія и говорятъ: вотъ, какъ счастливы были крестьяне и рабочіе въ доброе старое время, когда процвѣтали цехи и церковь господствовала надъ общественной жизнью. Иной оказалась бы картина, если бы какъ тѣ, такъ и другіе захотѣли показать намъ, въ какомъ *направленіи* развитіе идетъ въ настоящее время и шло 400 лѣтъ тому назадъ. Они должны были бы сказать, что какъ тогда, такъ и теперь стремленіе эксплуатирующихъ классовъ направлено къ тому, чтобы все глубже

и глубже ввергать трудящіеся классы въ нищету. Правда, какъ тогда, такъ и теперь, инымъ частямъ трудящихся классовъ, находящимся въ особенно благопріятныхъ условіяхъ, удавалось не только воспрепятствовать приниженію, но и неоднократно даже добиться улучшенія условій своей жизни и труда; но если ихъ положеніе и улучшалось, то все-же не въ такой степени, какъ положеніе эксплуатирующихъ классовъ: духовенства, высшаго дворянства, купцовъ и мастеровъ. Ихъ доля въ продуктахъ ихъ труда и пріобрѣтеніяхъ культуры становилась все меньше и меньше.

Несмотря на всѣ мясныя яства и бархатные кафтаны ремесленныхъ подмастерьевъ, въ ихъ рядахъ мы вовсе не находимъ той «цвѣтущей зажиточности» и «обезпеченности», того отсутствія «зависти и вражды къ болѣе высокопоставленнымъ», того довольства, которыя намъ расписываетъ Янсенъ,—а находимъ нѣчто совершенно противоположное.

IV. Союзы подмастерьевъ.

Борьба значительныхъ массъ, а слѣдовательно, и классовая борьба, невозможна безъ *организаціи*. Поэтому и подмастерья вынуждены были дать себѣ организацію.

Они нуждались въ ней тѣмъ больше, чѣмъ ожесточеннѣе была классовая борьба, которую имъ приходилось вести *).

Первоначально общества подмастерьевъ имѣли временный характеръ и основывались въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вслѣдствіе какихъ-либо особенныхъ обстоятельствъ для достиженія опредѣленныхъ цѣлей. Первымъ изъ такихъ обществъ подмастерьевъ упоминается въ 1329 году союзъ въ Бреславѣ, гдѣ

---

*) Въ Данцигѣ еще въ 1385 г. работникамъ за стачку отрѣзывали уши (Schmoller, I. с. 453). О подобныхъ вещахъ Янсенъ не говоритъ ни слова: они и не подошли бы къ его идиліи. А всетаки это было въ то время, когда цехи были еще католическими и вполнѣ проникнутыми духомъ „братской любви“.

работники мастеровъ, изготовлявшихъ пояса (Gürtlerknechte), объединились и на цѣлый годъ прекратили всякую работу *).

Но вскорѣ мы встрѣчаемъ уже и болѣе прочныя общества подмастерьевъ.

Понятно, что случаи, сводившіе ремесленныхъ работниковъ въ городѣ, давали также толчекъ къ образованію ихъ обществъ и оказывали вліяніе на ихъ характеръ. Такіе случаи въ средніе вѣка представляла *церковь* и *трактиръ* (Trinkstube), а иногда также *война*. Нѣкоторыя изъ свѣтскихъ обществъ, какъ говорятъ, возникли вслѣдствіе того, что мастера уклонялись отъ военной службы и посылали вмѣсто себя подмастерьевъ, которые получали вознагражденіе изъ цеховой кассы; эти подмастерья охотно сохраняли свою военную организацію и въ мирное время. Однако намъ неизвѣстно ни одного общества, возникшаго такимъ образомъ.

Преобладающей формой обществъ подмастерьевъ были организаціи церковныхъ *братствъ*, а рядомъ съ ними—и *трактировъ*. Первыя служили, главнымъ образомъ, для *вспомоществованій*, трактиры же были очагами противодѣйствія мастерамъ и властямъ; впрочемъ, дѣятельность обоихъ этихъ родовъ обществъ не была строго разграничена; и церковныя братства тоже часто превращались въ кассы противодѣйствія.

Первыя братства подмастерьевъ въ Германіи мы встрѣчаемъ въ началѣ XV вѣка, можетъ быть, даже еще въ концѣ XIV вѣка у *ткачей*. Уже въ 1389 г. говорится объ одномъ *кассирѣ* ткацкихъ работниковъ, что заставляетъ предполагать существованіе кассы вспомоществованій. Въ Ульмѣ уже въ 1402 г. у ткацкихъ работниковъ было братство, содержавшее въ госпиталѣ двѣ кровати для бѣдныхъ подмастерьевъ и образовавшее, сверхъ того, похоронную кассу.

Для характеристики такихъ братствъ мы приведемъ здѣсь

*) Stahl, l. c., стр. 390.

статьи, принятія которыхъ добились страссбургскіе ткацкіе работники въ 1479 г. Онѣ таковы (въ подлинникѣ онѣ приведены у Шмоллера, l. c., 93):

«Мы—Гансъ Герботтъ, мастеръ, и пять цеховыхъ выборныхъ ткацкаго ремесла въ Страссбургѣ объявляемъ всѣмъ, кто будетъ читать или слушать этотъ актъ, что къ намъ явились досточтимые Гансъ Блезингъ и Мартинъ Шуссэръ изъ Виссгорна, нынѣ кассиръ ткацкихъ работниковъ въ Страссбургѣ, предъявили требованіе и пожелали, чтобы мы согласились утвердить нижеслѣдующіе пункты, постановленія и статьи...

«Братство ихъ должно быть на вѣчныя времена въ большомъ госпиталѣ въ Страссбургѣ, а не въ какомъ либо иномъ мѣстѣ, и должно оставаться тамъ теперь и на будущее время. Черезъ каждые полгода они избираютъ двухъ кассировъ, а именно: двухъ въ рождественскій постъ и двухъ другихъ въ троицынъ постъ; при избраніи этихъ кассировъ они должны давать присягу заботиться о казнѣ Пресвятой Дѣвы (общественная касса), охранять ее отъ убытковъ по мѣрѣ возможности и безъ ущерба. Если избранный въ кассиры отклонитъ избраніе, онъ, въ видѣ наказанія, долженъ внести полфунта воску и обязанъ оставаться въ должности, какъ бы онъ ни противился этому, — однако подъ условіемъ согласія мастеровъ. Когда кассиры ходятъ черезъ каждые 14 дней собирать еженедѣльные взносы, они при этомъ не должны ничего расходовать изъ кассы. Если подмастерье долженъ братству два пфеннига и не отдастъ ихъ, когда этого потребуютъ при своемъ обходѣ кассиры, онъ уплачиваетъ два пфеннига штрафа. Впредь также не должно выдаваться ссудъ изъ кассы братства, кромѣ тѣхъ случаевъ, если кто-либо заболѣетъ, но и тогда лишь съ согласія мастеровъ и подъ залогъ, который долженъ стоить больше выдаваемой ссуды. Каждый подмастерье долженъ въ первую пятницу каждой четверти года (Frohnfasten) вноситъ одинъ пфеннигъ въ кассу братства и также жертвовать полноцѣнный

страссбургскій пфеннигъ; если же какого либо подмастерья не будетъ въ это время въ городѣ, то онъ долженъ дать свой пфеннигъ, лишь только вернется въ городъ». Дальше слѣдуютъ постановленія относительно посѣщенія церкви и освященныхъ свѣчей; затѣмъ говорится: «Если прибудетъ посторонній подмастерье, раньше никогда не работавшій здѣсь, то онъ можетъ безпрепятственно работать восемь или четырнадцать дней. Если же онъ останется дольше, онъ долженъ внести вкладъ въ два пфеннига и затѣмъ служить съ братствомъ, какъ слѣдуетъ. Если подмастерья будутъ судиться съ мастеромъ, то они должны покрывать расходы изъ своихъ средствъ, а не изъ кассы братства». Дальше снова идутъ постановленія относительно освященныхъ свѣчей; а потомъ говорится о наказаніяхъ: «Если какой-либо подмастерье не внесетъ вклада или не станетъ платить кассирамъ взносовъ, то онъ не можетъ работать здѣсь, пока не уплатитъ самъ или иной исправный подмастерье не уплатитъ за него; если же уплата не будетъ сдѣлана, нужно записать его имя и въ первую пятницу каждой четверти года объявлять собранію подмастерьевъ.

«Кассиры должны представлять отчетъ собранію подмастерьевъ и давать присягу не брать изъ кассы болѣе одного шиллинга. Кассиры должны давать присягу, что они будутъ собирать недѣльные и пятничные взносы безразлично со всѣхъ братьевъ. Въ первую пятницу каждой четверти года должна совершаться месса для всѣхъ братьевъ и сестеръ, живыхъ и мертвыхъ, и молитва о нихъ. Если случится, что какой-либо братъ, не дай Богъ, заболѣетъ и будетъ помѣщенъ въ госпиталь, то ему нужно выдавать изъ общественной кассы по одному пфеннигу въ день. Если какой-либо подмастерье, не дай Богъ, умретъ въ домѣ мастера или въ иномъ мѣстѣ въ городѣ, не въ госпиталѣ, то кассиры должны распорядиться, чтобы всѣ подмастерья участвовали въ похоронахъ, подъ угрозою штрафа въ два пфеннига.

«Холостые работники ткачей должны впредь *всѣ* состоять въ братствѣ».

Такимъ образомъ, братство было, главнымъ образомъ, *обязательной* больничной и похоронной кассой.

Для цеховъ и городскихъ властей эти братства были бѣльмомъ въ глазу. Подавить ихъ было неудобно въ виду ихъ церковнаго характера; они также становились все болѣе необходимыми по мѣрѣ того, какъ число подмастерьевъ возрастало и страхованіе ихъ на случай болѣзней и смерти пріобрѣтало все большее значеніе. Перенесеніе этого страхованія на цехи сильно обременило бы ихъ. Поэтому борьба съ братствами принимала большею частью такой видъ, что ихъ старались ограничить исключительно вспомоществованіями и подчинить контролю цеха и властей.

Рядомъ съ братствами развивались и организаціи *трактировъ*. У всякаго цеха былъ свой трактиръ. «Эти трактиры поддерживали борьбу между цехами и патриціями; они были центрами демократическаго движенія» (Шталь). Первоначально подмастерья собирались въ общихъ трактирахъ съ мастерами. Но по мѣрѣ того, какъ антагонизмъ съ обѣихъ сторонъ обострялся, какъ возрастало высокомѣріе мастеровъ относительно подмастерьевъ,—подмастерья, частью добровольно, частью же поневолѣ, отдѣлялись отъ нихъ и заводили свои особые трактиры. Эти трактиры подмастерьевъ стали играть такую же роль въ борьбѣ съ цехами, какую играли трактиры мастеровъ въ борьбѣ съ патриціями. Не удивительно, что за трактиры въ городахъ въ концѣ среднихъ вѣковъ началась самая напряженная борьба. Городскія власти старались совершенно уничтожить ихъ. Мѣстами, гдѣ еще сохранился антагонизмъ между цехами и городскимъ управленіемъ, совѣтомъ, и гдѣ въ совѣтѣ рѣшающее значеніе имѣли еще патриціи, запрещались также трактиры и мастеровъ, иногда не всѣхъ мастеровъ, а лишь тѣхъ, которые не достигли цеховой организаціи. Но вездѣ въ XIV и XV

вѣкахъ запрещались трактиры подмастерьевъ. Эти запрещенія постоянно повторяются.

Не разъ уже упомянутыя нами сочиненія Шмоллера и Бюхера содержатъ много примѣровъ борьбы съ трактирами въ Страссбургѣ, Франкфуртѣ и другихъ городахъ. «Какъ въ Майнцѣ, Вормсѣ, Шпайерѣ и Франкфуртѣ въ 1421 г. сдѣлана была попытка запретить трактиры работниковъ и съ этихъ послѣднихъ взята была присяга, что они будутъ собираться лишь по церковнымъ дѣламъ, какъ въ Констанцѣ въ 1390 и 1423 гг. запрещены были всякія товарищества работниковъ, такъ случилось то же самое и въ другихъ мѣстахъ. Высшій пунктъ всего этого движенія мы видимъ въ Страссбургскомъ уставѣ относительно рабочихъ 1465 года. Выработанный путемъ переговоровъ между различными городами и объявленный не только въ Страссбургѣ, но и въ другихъ городахъ, участвовавшихъ въ переговорахъ, онъ долженъ былъ разъ на всегда положить конецъ смутамъ *).

Этотъ уставъ — «законъ противъ соціалистовъ» нашихъ предковъ 400 лѣтъ тому назадъ — заслуживаетъ быть отмѣченнымъ здѣсь въ своихъ существенныхъ пунктахъ. Онъ гласитъ:

«Мнѣніе пословъ верхнихъ и нижнихъ городовъ, — которые собрались въ понедѣльникъ на юбилейной недѣлѣ (Jubilate) въ Страссбургѣ по дѣлу относительно ремесленныхъ и другихъ работниковъ, состоящихъ на службѣ, и постановили, чтобы впредь соблюдалось нижеслѣдующее:

«Во первыхъ, — впредь ремесленные мастера или работники ни въ коемъ случаѣ не должны составлять обществъ или принимать обязательныя постановленія безъ позволенія мастеровъ и совѣта того города, въ которомъ они живутъ.

---

*) Schmoller, 1 c., стр. 525. О борьбѣ съ обществами подмастерьевъ въ Нюрнбергѣ обстоятельно говоритъ Бр. Шенланкъ въ сочиненіи „Soziale Kämpfe vor Dreihundert Jahren“, Leipzig, 1894.

«Затѣмъ, —всѣ работники, состоящія на службѣ у рыцарей, служащихъ (Knechte) или гражданъ, живущіе въ городахъ, на которые распространяется настоящее постановленіе, а также всѣ ремесленные работники, служащіе въ городахъ, должны дать обѣщаніе и клятву повиноваться бургомистрамъ и совѣту своего города, подчиняться ихъ суду и не искать какого либо иного суда (Recht).

«Ремесленные работники впредь не должны также запрещать мастерамъ своего ремесла принимать какихъ-либо рабочихъ и пропивать какое-либо дѣло или какого-либо работника (keine Knechte mehr verbieten und keinerlei Sache noch keinen Knecht mehr vertrinken)», — т. е. запрещается устраивать стачки или бойкотировать мастеровъ. Этотъ же параграфъ требуетъ далѣе, чтобы работникъ передавалъ свои споры съ мастерами или другими работниками на рѣшеніе мастеровъ своего города и подчинялся ихъ приговору, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда дѣло подлежитъ вѣдѣнію городского совѣта. Каждый мастеръ, принявшій работника, долженъ въ теченіе восьми дней заявить о немъ старшинѣ цеха, который возьметъ съ работника клятвенное обѣщаніе постоянно подчиняться суду мастеровъ. Затѣмъ, имя новаго работника вписывается въ особую книгу. Мастеръ, не сдѣлавшій въ теченіе восьми дней означеннаго сообщенія, платитъ за каждый просроченный день пять шиллинговъ штрафа.—Очень милые начатки полицейскаго надзора надъ подмастерьями!

Въ слѣдующемъ параграфѣ говорится, что ремесленные и другіе состоящіе на службѣ работники не должны носить ножей, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они находятся въ пути.

«Если какой либо работникъ станетъ нарушать эти постановленія и статьи и не будетъ соблюдать ихъ, то, когда объ этомъ будетъ объявлено, всѣ остальные мастера въ этомъ округѣ не должны брать его въ работники или принимать въ свой домъ и дворъ, если же какой либо мастеръ нарушитъ это предписаніе,

то онъ платитъ четыре гульдена штрафа». Одна половина денежнаго штрафа передается городскому совѣту, другая—цеху.

Ни одинъ изъ городовъ, вступившихъ въ соглашеніе, не можетъ измѣнять его безъ согласія другихъ городовъ.

Всѣ служащіе работники, не состоящіе гражданами Страссбурга, не должны «ходить въ нашемъ городѣ тайно по ночамъ». Отъ пасхи до Михайлова дня они не должны быть на улицѣ позже 10 часовъ, а отъ Михайлова дня до пасхи—позже 9 часовъ вечера, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они идутъ по распоряженію своихъ господъ или мастеровъ. Виновные въ нарушеніи этого предписанія подвергаются штрафу въ 30 шиллинговъ или четырехнедѣльному заключенію въ «башнѣ» на хлѣбѣ и водѣ.

Всѣ служащіе работники не должны также позже означеннаго времени собираться въ трактирахъ или садахъ, подъ угрозой такого же наказанія.

Трактирщики не должны закрывать занавѣсками окна своихъ трактировъ и принимать работниковъ позже означеннаго времени, подъ угрозой штрафа въ пять шиллинговъ. «Однако это не относится къ господамъ, слугамъ рыцарей, купцамъ и пилигримамъ, которые—люди честные и почтенные».

«Если какой либо работникъ будетъ такъ дерзокъ, что не захочетъ соблюдать этихъ предписаній, то онъ никогда не можетъ служить въ Страссбургѣ безъ позволенія мастеровъ и совѣта».

Сверхъ того, уставъ относительно работниковъ содержитъ еще слѣдующіе четыре пункта: «1. Впредь ремесленные и другіе служащіе работники не должны имѣть трактировъ или наемныхъ домовъ или садовъ, а также не должны составлять обществъ, въ которыхъ бы они собирались,—развѣ лишь для дѣла честнаго (zu Ehren) и ни въ какомъ отношеніи не опаснаго. 2. Они могутъ также во второе воскресеніе послѣ первой пятницы въ началѣ каждой четверти года (Fronfasten) соби-

раться по дѣламъ относительно своихъ (церковныхъ) свѣчей, однако не иначе, какъ послѣ предварительнаго заявленія объ этомъ цеховому старшинѣ: въ такомъ случаѣ онъ долженъ назначить и послать одного или двухъ мастеровъ того ремесла, къ которому принадлежатъ эти работники, чтобы они присутствовали на собраніи. 3. Ремесленные работники должны также устраивать свои похороны въ праздничные, а не въ рабочіе дни. 4. Служащіе и ремесленные работники не могутъ также больше трехъ человѣкъ носить безнаказанно одинаковые шляпы, кафтаны, штаны и иныя отличія».

Такимъ образомъ, трактиры и другія средства объединенія подмастерьевъ были безусловно воспрещены. Дозволенными остались лишь ихъ церковныя организаціи (конечно, не только «по дѣламъ относительно ихъ свѣчей», а также съ цѣлью вспомоществованія), но и онѣ были поставлены подъ надзоръ мастеровъ.

Однако послѣднихъ четырехъ пунктовъ уже нѣтъ въ уставѣ 1473 г., который въ остальномъ совпадаетъ съ уставомъ 1465 г. Мы привели редакцію 1473 г., сохранившуюся въ книгѣ суконщиковъ (Tucherbuch) 1551 г. (въ оригиналѣ она приведена у Шмоллера, l. c., стр. 208 и сл.). Такимъ образомъ, уже черезъ восемь лѣтъ пришлось отмѣнить самыя драконовскія постановленія этого «закона противъ соціалистовъ»; и другія его постановленія тоже оказались недѣйствительными.

Такъ было повсюду. Вскорѣ послѣ 1400 г. франкфуртскій совѣтъ запретилъ имѣть трактиры поденщикамъ и служащимъ работникамъ. За отдачу имъ въ наемъ подъ трактиръ дома или комнаты грозилъ высокій штрафъ по одному гульдену въ день. Въ одномъ позднѣйшемъ спискѣ этого строгаго запрещенія указано одиннадцать разрѣшенныхъ съ тѣхъ поръ трактировъ *).

Въ дѣйствительности, эти запрещенія не достигали своей цѣли;

---

*) Bücher, l. c., стр. 135. Ср. стр. 603, запрещеніе 1421 г. и стр. 609.

въ XV столѣтіи мы видимъ, что подмастерья повсюду усиливаются, ограниченія, введенныя противъ нихъ, одно за другимъ падаютъ; они добиваются признанія своихъ организацій, участіе въ этихъ организаціяхъ становится обязательнымъ, они стаютъ силою. Въ концѣ этого столѣтія подмастерья заняли внушительное положеніе, и организаціи ихъ достигали значительныхъ результатовъ. Однако о характерѣ цехового строя въ концѣ среднихъ вѣковъ мы получаемъ совершенно иное представленіе, если слѣдимъ, какъ *завоевывались* эти пріобрѣтенія, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда разсматриваемъ ихъ, какъ *состояніе*, возникшее изъ «духа» среднихъ вѣковъ и свойственное всему періоду ихъ. Но такъ и дѣлаетъ большинство историковъ культуры: что явилось въ *концѣ* періода, какъ результатъ долгой и ожесточенной борьбы, то они изображаютъ, какъ состояніе, свойственное всему этому періоду.

Всѣ попытки подавить организаціи подмастерьевъ потерпѣли крушеніе, главнымъ образомъ, вслѣдствіе нужды въ подмастерьяхъ, увеличивающагося значенія ихъ въ городскомъ способѣ производства. Не только ремесленная промышленность стала въ большинствѣ городовъ главнымъ способомъ пріобрѣтенія средствъ къ существованію, но и въ самой промышленности подмастерья по своей численности и значенію относительно мастеровъ стали внушительной силой. Процвѣтаніе городовъ становилось во все большую и большую зависимость отъ наемныхъ ремесленныхъ рабочихъ. Если они гдѣ либо прекращали работу, уходили изъ города, то соотвѣтствующему ремеслу грозилъ упадокъ, а городу большой ущербъ. Къ этому присоединилось еще и то, что обстоятельства очень благопріятствовали крѣпкому единенію подмастерьевъ. Города были еще не велики. Населеніе Франкфурта въ 1440 г. Брюхеръ опредѣляетъ въ 8.000 душъ, населеніе Нюрнберга въ 1449 г.—20.000

душъ *). Число работниковъ въ нихъ едва могло равняться десяти процентамъ всего населенія **).

При столь незначительной численности работники какого-либо ремесла въ городѣ, понятно, знали другъ друга лично Сношенія между ними облегчались еще тѣмъ, что люди, занимавшіеся однимъ и тѣмъ же ремесломъ, любили жить вмѣстѣ, на одной улицѣ, которая часто получала названіе отъ этого ремесла, а иногда сохраняетъ его до настоящаго времени. Въ XV и XVI столѣтіяхъ также не было еще милаго обычая отдѣлять рабочихъ въ мастерскихъ, точно въ тюрьмахъ, отъ внѣшняго міра рѣшетками въ окнахъ и замазываніемъ стеколъ. Тогда любили, насколько позволялъ климатъ, работать на улицѣ передъ домомъ или, по крайней мѣрѣ, при открытыхъ дверяхъ и окнахъ. Тутъ не было надобности ни въ прессѣ, ни въ какихъ-либо собраніяхъ, чтобы сговориться, что дѣлать. И горе было бы тому, кто не дѣйствовалъ бы въ согласіи съ другими! Онъ жизни своей былъ бы не радъ. Каждый рабочій былъ тѣсно связанъ со своими товарищами не только въ работѣ, но и въ общественныхъ отношеніяхъ.

Странствованія же рабочихъ дѣлали ихъ подвижными, сравнительно съ тяжелыми на подъемъ мастерами, и привели къ тѣсной связи столь крѣпко сплоченныхъ обществъ въ отдѣльныхъ городахъ. Тутъ ужъ не могло быть притока рабочихъ извнѣ! Шмоллеръ скорбитъ по этому поводу: «Въ нравственномъ (!) и профессіональномъ отношеніи на общества подмастерьевъ долженъ былъ имѣть лишь неблагопріятное вліяніе тотъ фактъ, что большинство подмастерьевъ не были мѣстными жителями; это увеличивало ихъ легкомысліе, своеволіе, заносчивость и сознаніе своей силы относительно мастеровъ. Мастера были прикованы къ мѣсту; даже там, гдѣ были связи между це-

*) Bücher, l. c., стр. 196, 44.
**) Lamprecht, l. c., стр. 497.

ховыми организаціями, мастера лишь съ трудомъ и медленно могли столковаться со своими товарищами въ другихъ городахъ. Подмастерья же имѣли связи вездѣ и получали свѣдѣнія отовсюду; они не чувствовали себя гражданами того города, въ которомъ они работали; привыкнувъ къ многолѣтнимъ странствованіямъ, они никогда не затруднялись взять сумку и отправиться въ путь. Если возникали столкновенія, они безъ затрудненія уходили толпами со свирѣлями и трубами, поселялись безъ всякаго дѣла въ какомъ-либо изъ сосѣднихъ городовъ и потомъ, когда съ ними хотѣли помириться, они обыкновенно требовали, чтобы были уплачены ихъ издержки въ этомъ городѣ. Благодаря своей лучшей организаціи и болѣе сильному корпоративному духу, они не допускали притока рабочихъ со стороны и, такимъ образомъ, часто выходили изъ борьбы побѣдителями» *).

Ко всему этому присоединялось еще и то, что ихъ рѣдко стѣсняли жены и дѣти. Женатые подмастерья были исключеніями, а въ нѣкоторыхъ ремеслахъ ихъ вовсе не было. Вѣдь они принадлежали къ «семейству» мастера, мастера же находили, что подмастерьевъ легче будетъ подчинить ихъ «отеческому» надзору, удерживать отъ посѣщенія трактировъ, наблюдать за ними и эксплуатировать посредствомъ (сравнительно) скуднаго содержанія и выдачи вознагражденія натурою во всякихъ видахъ, если ихъ держать дома и не позволять имъ жениться. Женатый подмастерье также слишкомъ поддавалъ стремленію стать самостоятельнымъ, если и не законнымъ путемъ, въ качествѣ цеховаго мастера, то путемъ незаконнымъ, въ качествѣ «пачкуна» гдѣ нибудь въ предмѣстьѣ или въ деревнѣ.

Но именно благодаря своему холостому положенію, под-

*) G. Schmoller, Das brandenburgisch-preuszishe Innungswesen (Forschungen zur brandenburgischen und preuszischen Geschichte, Bd. I, стр. 79).

мастерья пріобрѣли чрезвычайную силу сопротивленія; гораздо больше, чѣмъ странствованія, развитію у подмастерьевъ особенностей и преимуществъ, указанныхъ въ только что цитированыхъ нами словахъ Шмоллера, способствовало, надо думать, ихъ безбрачіе,—развитію ихъ упрямства, безпечности, самоувѣренности.

Насколько труднѣе пролетарію вести борьбу въ наши дни При каждой стачкѣ, при каждыхъ выборахъ, гдѣ ему приходится лично стоять за свое дѣло, жена и дѣти должны нести послѣдствія его поведенія. Въ мелкихъ городахъ, гдѣ рабочіе легко могли бы столковаться безъ прессы и собраній, семейныя соображенія подчиняютъ рабочаго предпринимателю. Въ большихъ городахъ рабочіе опять не знаютъ другъ друга; чтобы столковаться, имъ нужна пресса, многолюдныя собранія, общества; личныхъ переговоровъ уже не достаточно, чтобы установить то единство и единодушіе, которыя для борьбы съ подавляющимъ централизированнымъ капиталомъ необходимы еще въ несравненно большей степени, чѣмъ было раньше для борьбы съ мелкими ремесленными мастерами. Не удивительно, что экономическая борьба рабочихъ теперь все больше и больше становится борьбой политической, что свобода означаетъ для нихъ хлѣбъ, что кто лишаетъ ихъ политическихъ правъ, тотъ отнимаетъ у нихъ хлѣбъ, что обстоятельства повсюду вынуждаютъ рабочихъ борьбу за увеличеніе заработной платы и сокращеніе рабочаго времени расширять въ борьбу за политическую власть.

У ремесленныхъ же подмастерьевъ съ конца среднихъ вѣковъ до новѣйшаго времени мы не находимъ никакихъ особенныхъ политическихъ тенденцій. Они совершенно уходили въ свои ремесленныя организаціи, посредствомъ которыхъ они добивались такихъ успѣховъ и такого положенія, какихъ теперь даже при самыхъ широкихъ политическихъ правахъ удавалось добиться лишь немногимъ рабочимъ организаціямъ при исклю-

чительно благопріятныхъ обстоятельствахъ и то лишь на время. Само собою разумѣется, что не во всѣхъ промыслахъ подмастерья находились въ одинаково благопріятныхъ условіяхъ. Были организаціи болѣе слабыя и болѣе крѣпкія, невліятельныя и сильныя. Многочисленные слои пролетаріевъ, тѣхъ именно, которыхъ легко было замѣнить, не добились никакой организаціи, были совершенно предоставлены на произволъ эксплуататоровъ. Въ нихъ не проявлялось ни того «корпоративнаго духа», ни той «идеи любви къ ближнему», которые, будто бы, повсюду свирѣпствовали въ средніе вѣка.

Бывало даже, что рабочіе, достигшіе организаціи въ XIII или XIV столѣтіи, затѣмъ снова утрачивали ее; это были необученные рабочіе, поденщики, организаціи которыхъ смывались напоромъ непринадлежавшихъ къ цехамъ конкуррентовъ изъ деревень. Этому содѣйствовало, можетъ быть, и паденіе сельскаго хозяйства въ городахъ. Но и неземледѣльческихъ поденщиковъ постигала та же судьба. Такъ, напр., строительные чернорабочіе (Opperknechte, Bauhandlanger), рабочіе-виноградари и носильщики во Франкфуртѣ въ концѣ XIV вѣка (1587 г.) были еще цеховыми. Но рядомъ съ ними мы встрѣчаемъ уже и нецеховыхъ поденщиковъ, какъ 16 виноградарей, 4 поносильщиковъ, 10 пильщиковъ и 6 носильщиковъ. Въ 1440 г. цеха строительныхъ чернорабочихъ уже не существуетъ, цехъ виноградарей влачитъ жалкое существованіе еще до XV вѣка, цехъ носильщиковъ — до первой половины XVI вѣка, но рядомъ съ ними все больше и больше выдвигаются нецеховые элементы.

Эти городскіе пролетаріи, которые или никогда не достигали организаціи или утратили ее, опускались все ниже и ниже, часто абсолютно, постоянно же они опускались относительно, въ сравненіи съ организованными подмастерьями. Пропасть, отдѣлявшая эти элементы другъ отъ друга, все больше и больше увеличивалась.

V. Городская рабочая аристократія.

Чѣмъ значительнѣе были успѣхи организованныхъ ремесленныхъ работниковъ, тѣмъ больше они чувствовали себя привиллегированнымъ классомъ, аристократами и подобно своимъ мастерамъ съ презрѣніемъ смотрѣли на пролетаріевъ, стоявшихъ ниже ихъ, какъ на «unehrliche Leute», «людей безчестныхъ». Подмастерье, приводившій съ собою въ трактиръ «безчестныхъ людей», подвергался наказанію. Кого надо понимать подъ этимъ названіемъ, мы уже видѣли. Вскорѣ самомнѣніе организованныхъ рабочихъ возстало противъ того, чтобы они носили общее имя съ другими рабочими. Въ XV столѣтіи мы видимъ, что они вездѣ съ возмущеніемъ отвергаютъ названіе «Knecht»,—работникъ, и присваиваютъ себѣ названіе «Geselle», подмастерье. Въ этомъ обыкновенно видятъ пробужденіе «демократическаго духа», попытку поставить себя въ соціальномъ отношеніи наравнѣ съ мастерами или, по крайней мѣрѣ, подобно имъ. Мы не можемъ раздѣлять этого взгляда. Именно пока наемные рабочіе назывались еще работниками, они въ соціальномъ отношеніи были ближе къ мастерамъ, чѣмъ «подмастерья». Правда, теперь они стали выше крестьянъ и пролетаріевъ, но не съ такой быстротой, съ какой возвысились мастера, ставшіе ихъ эксплуататорами и господами. Въ XIV столѣтіи работники еще пили вмѣстѣ съ мастерами въ однихъ и тѣхъ же трактирахъ. Въ XV столѣтіи мастера считали уже ниже своего достоинства сидѣть за однимъ столомъ съ работниками. Они были изгнаны изъ трактировъ мастеровъ и должны были вести продолжительную борьбу за свои особые трактиры. И при такихъ условіяхъ имъ могла бы придти въ голову идея чувствовать себя больше наравнѣ съ мастерами, чѣмъ прежде!

Нѣтъ, они боялись, какъ бы ихъ не поставили на одну доску съ другими работниками, которые не только не участвовали въ общемъ подъемѣ, но часто опускались еще ниже. И

теперь мы встрѣчаемъ иногда въ промыслахъ, въ которыхъ рабочіе, благодаря своей ремесленной организаціи, добились особенныхъ выгодъ, — это большею частью квалифицированные рабочіе, не испытывающіе значительной конкуренціи ни со стороны машинъ, ни со стороны женскаго труда,—такое же самомнѣніе, какъ и то, вслѣдствіе котораго подмастерья открещивались отъ названія работникомъ. Еще недавно, напр., очень многіе изъ нашихъ наборщиковъ оскорблялись, когда ихъ называли «рабочими»: они, дескать, «Künstler»,—«художники»!

Чѣмъ болѣе желательныхъ результатовъ достигали профессіональныя общества подмастерьевъ въ различныхъ промыслахъ, тѣмъ больше суживался горизонтъ рабочихъ, входившихъ въ эти органицціи. Единственной цѣлью ихъ теперь стало — сдѣлать свое общество самымъ сильнымъ и вліятельнымъ не только относительно мастеровъ, но также и относительно подмастерьевъ другихъ профессій. Ихъ ораниэація развиваетъ не классовое самосознаніе, а черствый кастовый духъ, полный ревниваго, мелочнаго тщеславія.

Вначалѣ въ общества подмастерьевъ какого-либо ремесла принимались также рабочіе иныхъ ремеселъ и даже члены другихъ сословій, симпатизировавшіе подмастерьямъ. Впослѣдствіи это прекратилось.

Въ братство подмастерьевъ-слесарей во Франкфуртѣ, напр., было принято:

Съ 1402 по 1471 г. 1096 член., среди которыхъ было 27 неподмастерьевъ;

Съ 1472 по 1524 г. 1794 член., среди которыхъ было 6 неподмастерьевъ;

Съ 1402 по 1471 г. 35 подмастерьевъ, не обрабатывавшихъ металловъ;

Съ 1472 по 1496 г. 6 подмастерьевъ, не обрабатывавшихъ металловъ.

Съ 1496 г. подмастерья, не обрабатывавшіе металловъ, вообще не принимались въ общество *).

Эти цифры, можетъ быть, можно было бы объяснить тѣмъ что рядомъ съ братствомъ слесарей возникали другія общества, такъ что постороннимъ подмастерьямъ не было надобности искать опоры въ организаціи слесарей. По до какой степени доходило ревнивое соперничество различныхъ организацій подмастерьевъ другъ съ другомъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ ихъ многочисленныя распри. Вскорѣ не было уже ничего болѣе чуткаго, чѣмъ «сословная честь» подмастерьевъ; она была столь же чувствительна и хрупка, какъ теперь «сословная честь» какого-либо офицера или студента-корпоранта. Причиной этой чуткости было не высокое чувство чести, а чрезмѣрное самомнѣніе.

Извѣстенъ вызовъ, посланный въ 1471 г. лейпцигскими сапожниками-подмастерьями мѣстному университету въ защиту своей оскорбленной сословной чести. Съ такой же самоувѣренностью пекаря и прислужники маркграфа Іакова Баденскаго послали въ 1470 г. вызовъ имперскимъ городамъ Эсслингену и Рэйтлингену. Въ 1477 г. даже поваръ г. фонъ-Эппштейна со своими поварятками послалъ вызовъ графу Сольмскому (zu Solms **). Борьбу же рабочихъ другъ съ другомъ мы видимъ уже въ XIV вѣкѣ. Такъ, въ 1350 г. возникла борьба между ткачами, изготовлявшими шерстяныя матеріи и шерстобитами, въ 1360 г. между первыми изъ нихъ и ткачами, изготовлявшими холстъ. Но самое большее упорство проявили булочники-подмастерья въ Кольмарѣ, устроившіе въ 1495 году стачку по поводу того, что совѣтъ позволилъ другимъ обществамъ, пріобрѣтшимъ такія же дорогія свѣчи, какія были у нихъ, идти въ процессіи вмѣстѣ съ ними около св. Даровъ въ день Божія Тѣла. Десять лѣтъ продолжалась эта

*) Bücher, l. c., стр. 19.

**) C. W. Hering, Geschichte des sächsischen Hochlandes, стр. 176.

стачка, пока они не одержали побѣды надъ городомъ и другими подмастерьями. Подобныхъ случаевъ было множество.

Въ виду такой ограниченности, антагонизмъ между мастерами и подмастерьями и борьба, вытекавшая изъ этого антагонизма, какъ ни заурядны и ни рѣзки были они, не могли вызвать общаго рабочаго движенія и стремленій къ преобразованію общества. Именно въ самыхъ крѣпкихъ и успѣшныхъ организаціяхъ не только не развивалось сознаніе ихъ солидарности съ другими рабочими, классовое сознаніе, но даже, напротивъ, развивалось противоположеніе ихъ, съ одной стороны, другимъ возникающимъ организаціямъ, на успѣхи которыхъ они смотрѣли съ завистью, а съ другой, —все возрастающей массѣ пролетаріата, которому не удавалось создать организацію, и который все болѣе и болѣе впадалъ въ нищету и лишенія. Лишь капиталистическая промышленность разрушила организаціи подмастерьевъ, принизила въ соціальномъ отношеніи ихъ самихъ и поставила на одну доску съ другими пролетаріями. Такимъ образомъ, лишь капиталистическій способъ производства создалъ предварительныя условія общаго классового сознанія всего рабочаго класса. Если онъ тоже вызываетъ иногда рабочія аристократіи, то все же не на очень продолжительное время. Его тенденція направлена къ уравненію всего рабочаго слоя. Одинъ изъ крупнѣйшихъ переворотовъ, который онъ теперь производитъ, клонится къ тому, чтобы уничтожить также аристократію умственныхъ работниковъ, поставить ихъ въ соціальномъ отношеніи наравнѣ съ мускульными работниками: нивелировка столь сильная и неслыханная, что не одному изъ нынѣшнихъ мудрецовъ она представляется абсурдной утопіей, хотя она уже началась на его глазахъ.

Ремесленное производство среднихъ вѣковъ дѣйствовало не такъ революціонно. Организованные подмастерья были народъ безпокойный, упрямый, привыкшій къ употребленію оружія,

ревниво оберегавшій свои права и свою сословную честь. Гораздо больше, чѣмъ современные рабочіе, склонны были они отстаивать свои права прекращеніемъ работы, безпорядками, а въ случаѣ надобности и силою оружія. Поведеніе ихъ было гораздо «радикальнѣе» поведенія нынѣшняго пролетаріата. Большинство теперешнихъ анархистовъ кажутся скромниками въ сравненіи съ дерзкими, безпардонными подмастерьями конца среднихъ вѣковъ. Но это относится лишь къ внѣшнимъ пріемамъ: тенденціи ихъ были въ высшей степени скромны. «Понедѣльничанье» было, пожалуй, самымъ радикальнымъ изъ ихъ требованій. Да и зачѣмъ же имъ было стремиться къ перевороту общественнаго строя, въ которомъ они сами принадлежали къ привиллегированнымъ, участвовали въ выгодахъ его, хотя и не въ такой степени, какъ мастера или купцы и князья? Правда, доля ихъ въ этихъ выгодахъ становилась относительно все меньше и меньше; правда, они вели ожесточенную борьбу за увеличеніе этой доли; но никогда при этомъ они не подвергали сомнѣнію существованіе того общества, въ которомъ жили. Конечно, въ бурныя времена они могли идти вмѣстѣ съ другими, болѣе рѣшительными элементами. То же самое дѣлали и цеховыя мастера, когда у нихъ возникала борьба со «знатью», со старинными горожанами-общинниками и купцами. Но какъ тѣ, такъ и другіе, были въ равной степени ненадежны и лишены всякой устойчивости. Достаточно было перваго противодѣйствія, перваго пораженія, чтобы они оставили движеніе, цѣли котораго имъ съ самаго же начала были не очень то по сердцу, и которымъ они лишь хотѣли воспользоваться въ своихъ временныхъ, частныхъ интересахъ. Это и было одной изъ причинъ, отчего движеніе 1525 г. пало столь быстро.

Стремленія къ новому общественному строю, соціальнаго идеала не было у организацій подмастерьевъ конца среднихъ вѣковъ.

———

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Капиталъ и трудъ въ горномъ дѣлѣ.

I. Марка и горное право.

Въ древности горнорабочими, насколько извѣстно, были исключительно люди несвободные,— рабы или арестанты. Въ средніе вѣка они были *свободными людьми*. Первоначально они были также членами общины, марки.

Мы уже указывали на то, что область каждой марки распадалась на двѣ части: на *раздѣленую* и *нераздѣленую* марку.

Каждое семейство въ маркѣ получало въ деревнѣ участокъ земли подъ усадьбу въ частную собственность. Сверхъ того, пахотная земля, полевая марка, выдѣлялась изъ общей марки и распредѣлялась между семействами по опредѣленнымъ правиламъ.

Луга, лѣса, воды и дороги оставались въ общемъ пользованіи и составляли нераздѣленную марку; но пространство ея съ теченіемъ времени сокращалось частью вслѣдствіе увеличенія населенія, вызывавшаго возникновеніе новыхъ деревень, выдѣленіе изъ общей марки новыхъ полевыхъ марокъ, — частью же вслѣдствіе вытѣсненія охоты и скотоводства земледѣліемъ, что вело къ увеличенію раздѣленной полевой марки на счетъ нераздѣленной.

Какъ доля каждаго общинника въ раздѣленной маркѣ, такъ и участіе его въ пользованіи общей маркой были первоначально равны. Способъ же этого пользованія опредѣлялся общиною. Она регулировала пользованіе пастбищемъ, вывозъ листьевъ изъ

лѣса, пользованіе деревомъ и топливомъ, и, наконецъ, также *добываніе камня.* Каждый общинникъ имѣлъ право съ соблюденіемъ извѣстныхъ, установленныхъ общиною условій ломать для своей надобности камень въ каменоломняхъ на общей маркѣ.

Въ большинствѣ общинъ добываніе камня осталось второстепеннымъ дѣломъ, которымъ занимались лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Иное дѣло тамъ, гдѣ были залежи соли, желѣзная, мѣдная, а тѣмъ болѣе серебряная или золотая руды или, что, можетъ быть, случалось еще чаще, гдѣ вторгшіеся германцы принимались за разработку уже раньше начатаго кельтами или римлянами горнаго промысла. Тамъ вскорѣ на первый планъ должно было выступить добываніе минеральныхъ сокровищъ. Въ этихъ минералахъ повсюду нуждались и искали ихъ, но находили лишь въ немногихъ мѣстахъ. Поэтому общины, владѣвшія такими горнозаводскими округами, начали добывать минераловъ больше, чѣмъ имъ надо было, чтобы излишекъ сбывать сосѣднимъ общинамъ въ обмѣнъ на ихъ продукты. Такимъ образомъ, эти минералы принадлежали къ числу первыхъ предметовъ товарнаго производства и торговли.

Горнозаводскіе округа были расположены преимущественно въ горахъ, гдѣ земледѣліе играло незначительную роль. Оно тѣмъ больше отступало на задній планъ, чѣмъ больше развивалось горное дѣло. Уже не надо было такого количества пахотной земли, какъ прежде, потому что жизненные припасы можно было получить въ обмѣнъ на продукты горнаго дѣла. Отъ земледѣлія и скотоводства отвлекалось все больше рукъ, такъ какъ члены общины все больше обращались къ горной промышленности, гдѣ она была прибыльной. Производство для собственнаго потребленія имѣетъ естественныя границы въ потребностяхъ производителя. Товарное же производство находитъ свои границы въ потребностяхъ рынка, а рынокъ для

продуктовъ горнаго дѣла былъ фактически безграничнымъ, такъ какъ немногія мѣста, гдѣ находили и добывали соль и металлы, не въ состояніи были производить больше спроса рынка, который былъ обширнѣе, чѣмъ можно было бы думать Изъ рукъ въ руки, изъ села въ село дорогіе минералы проходили огромныя разстоянія. Транспортировать минералы, переработанные въ оружіе, орудія или украшенія было сравнительно легко *). То, что теперь можно сказать только о благородныхъ металлахъ, а часто уже лишь объ одномъ изъ нихъ, о золотѣ, а именно, что они являются таварами, которые всякій беретъ, которыхъ всякій желаетъ, которыхъ никогда нельзя имѣть слишкомъ много,—это въ началѣ товарнаго производства относилось также къ желѣзу, мѣди, иногда даже къ соли. Поэтому стремленіе добывать ихъ не знало границъ. Не удивительно, что горное дѣло повсюду, гдѣ богатство почвы полезными минералами дѣлало его возможнымъ, стало самымъ важнымъ занятіемъ. Земледѣліе, которымъ еще долго занимались не для производства товаровъ, а для удовлетворенія собственныхъ потребностей, отступало передъ нимъ на задній планъ.

*) Уже въ каменный періодъ мы видимъ обширную торговлю между ордами оружіемъ и украшеніями или матеріалами, служившими для ихъ изготовленія. Въ Скандинавіи, Германіи Швейцаріи, Франціи, Англіи и Италіи мы находимъ каменные топоры изъ очень пригоднаго для этихъ издѣлій нефрита, камня, котораго въ Европѣ до сихъ поръ не удалось отыскать: его, вѣроятно доставляли изъ Азіи, гдѣ онъ встрѣчается въ значительныхъ количествахъ. Во Франціи на пути между Туромъ и Пуатье попадается во множествѣ хорошій кремень цвѣта меду и равномѣрной плотности. Близъ Прессиньи-ле-Гранъ докторъ Левеллье открылъ остатки мастерской, снабжавшей орудіями изъ этого камня обширную территорію. По всей Франціи, Бельгіи и Швейцаріи находятъ кремневыя орудія изъ этой мѣстности, которыя легко узнать по ихъ оригинальному цвѣту. Въ Америкѣ въ могилахъ первобытныхъ обитателей долины Миссисипи находятъ рядомъ: мѣдь съ Верхняго озера, слюду съ Аллеганскихъ горъ, раковины съ Мексиканскаго залива и обсидіанъ изъ Мексики (Lubbock, Vorhistorische Zeit, Jena, 1874, I, 74, 77, 187).

Первоначально рудники разрабатывали лишь на общей маркѣ. Но, какъ быть въ томъ случаѣ, когда горное производство расширялось и дорогіе минералы оказывались на раздѣленной маркѣ? Полевая марка раздѣлялась только для земледѣлія; если участокъ запускался, не воздѣлывался надлежащимъ образомъ, онъ снова переходилъ въ распоряженіе общины. Это примѣнялось къ участку и тогда, когда на немъ начинали разрабатывать руду. Но такъ какъ горное дѣло всюду, гдѣ оно развивалось, становилось важнѣе земледѣлія, то вскорѣ уже достаточно было *найти* на раздѣленной маркѣ минеральныя сокровища, чтобы соотвѣтствующія поля и луга снова перешли въ общую марку. Мало того,—чтобы всѣми силами способствовать нахожденію минеральныхъ сокровищъ, одна уже *вѣроятность*, что на данномъ полѣ есть руда, превращала его въ составную часть общей марки, и, наконецъ, погоня за дорогими минералами уничтожила право частной собственности даже на *усадьбы*. Каждый членъ общины получилъ право во всей маркѣ, гдѣ бы то ни было, разыскивать рудоносныя жилы и рыть шурфы; если это приносило ущербъ кому-либо, то онъ могъ требовать вознагражденія, но препятствовать розыскамъ не могъ. «Ибо горное право сильно, и ни король, ни герцогъ, ни графы не могутъ идти противъ него, если бы рыли даже въ огородахъ и дальше подъ самой спальней человѣка», говорится въ одной старинной книгѣ штэйнфельскаго аббатства *).

Въ общемъ, развитіе общиннаго строя обнаружило тенденцію тѣмъ больше расширить права и область частнаго владѣнія на счетъ общей марки, чѣмъ больше земледѣліе получало преобладаніе надъ скотоводствомъ и охотою. Въ горнозаводскихъ же округахъ, гдѣ значеніе земледѣлія, благодаря горному дѣлу, падало, мы видимъ потивоположную тенденцію. Горное право

*) H. Achenbach, Das gemeine deutsche Bergrecht in Verbindung mit dem preuszischen Bergrecht et c. dargestellt, Bonn, 1871, I, стр. 71).

ограничиваетъ права частнаго владѣнія и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ снова приравниваетъ его къ общей маркѣ.

Но рудники переходили въ область общей марки лишь затѣмъ, чтобы сейчасъ же снова выдѣлиться изъ нея. Первые рудники были въ высшей степени примитивны, это были временныя приспособленія, простыя ямы, изъ которыхъ выкапывали руду. Для разработки такой шахты достаточно было одного или нѣсколькихъ человѣкъ. Пользоваться ею сообща, какъ пользовались, напр., общимъ пастбищемъ, было невозможно. Какъ отдѣльные участки въ различныхъ частяхъ поля, ихъ надо было предоставлять для пользованія различнымъ членамъ общины. Но такъ какъ различныя шахты давали различный доходъ и числа ихъ невозможно было увеличивать, какъ земельные участки, то въ интересахъ общины ихъ предоставляли для пользованія лишь подъ условіемъ взноса общинѣ опредѣленной части дохода. Какъ обработка раздѣленнаго поля находилась подъ надзоромъ и руководствомъ общины, и необрабатываемый участокъ переходилъ къ общинѣ, такъ поступали и съ заброшенными шахтами: лишь только пользующійся ею переставалъ разрабатывать ее, онъ терялъ на нее всѣ права.

Первое право получить для пользованія мѣсто нахожденія руды имѣлъ, понятно, тотъ, кто ее нашелъ, а не тотъ, кому принадлежалъ соотвѣтствующій участокъ земли, если онъ уже перешелъ въ частное владѣніе. Эта привиллегія находчика сохранилась до нашихъ дней.

Въ добываніи менѣе цѣнныхъ минераловъ техника производства долго оставалась въ примитивномъ состояніи,—въ желѣзныхъ рудникахъ или каменно-угольныхъ копяхъ такой она оставалась иногда до послѣдняго времени. Добываніе же благородныхъ металловъ, какъ мы увидимъ ниже, рано поднялось на высокую степень техническаго развитія. Рудники становились все обширнѣе, многосложнѣе, а работа въ нихъ — все опаснѣе. Все болѣе и болѣе невозможнымъ становилось члену об-

щины, «промышленнику», получившему ихъ для пользованія, вести дѣло своими средствами и по своему усмотрѣнію. Различныя шахты становились все въ большую и большую зависимость другъ отъ друга, все больше и больше составляли онѣ одно цѣлое. Какъ ни ревностно старались промышленники, чтобы ихъ шахты или «Zechen», горные участки, были самостоятельны, чтобы каждому была обезпечена надлежащая доля въ его раіонѣ, производство въ силу технической необходимости все болѣе и болѣе становилось общимъ. Общинный чиновникъ, бергмейстеръ, имѣвшій вначалѣ лишь надзирать за работами въ шахтахъ, сталъ руководителемъ всего горнаго производства, которое онъ планомѣрно организовывалъ.

Но тѣ рудники, въ которыхъ производство достигло такого развитія, были также настолько богаты, что доходы съ нихъ все больше и больше освобождали отъ работы промышленниковъ и общинниковъ—категоріи же эти въ соотвѣтствующихъ округахъ обыкновенно совпадали, — работа въ рудникахъ, наконецъ, совершенно перешла къ работникамъ или рудокопамъ. Промышленники постепенно становились *капиталистами*.

Число работниковъ въ богатыхъ рудникахъ все больше увеличивалось. Къ нимъ прибавлялись еще работники въ плавильняхъ, гдѣ изъ руды добывались металлы. Сверхъ того, въ горнозаводскіе округа все больше и больше стекалось ремесленниковъ для изготовленія горнозаводскихъ орудій, обработки металловъ или удовлетворенія возрастающихъ потребностей населенія. Купцы также находили здѣсь обильный доходъ отъ продажи добываемыхъ сокровищъ, поэтому число ихъ тоже увеличивалось. Такимъ образомъ, около рудника возникалъ городъ, — «горный городъ», гдѣ старые общинники, владѣльцы горъ и плавиленъ составляли уже лишь меньшинство, аристократію,—вмѣстѣ съ купцами, которые, понятно, выходили отчасти изъ ихъ же среды.

Какъ ни своеобразенъ былъ строй этихъ горныхъ обществъ, все же они оставались общинами. Конечно, земледѣліе и скотоводство теряли для нихъ значеніе. Но рядомъ съ рудниками, для нихъ важнѣйшее значеніе имѣлъ лѣсъ, такъ какъ онъ давалъ топливо для плавилень, для обработки руды и добыванія металловъ. Поэтому, гдѣ еще сохранилась старинная общинная организація промышленниковъ, тамъ они выступаютъ, какъ лѣсная община, Walldgenossenschaft.

Какую форму принимала такая старинная горная община, это ясно видно изъ описанія «Большого горнаго общества Гарца съ центральнымъ пунктомъ Госларомъ»,— которое далъ Гирке *).

«Въ городскомъ строѣ общество владѣльцевъ горъ и плавилень было корпораціей, занимавшей мѣсто между купцами и гильдіями (монетчики, торговцы и ремесленники), и въ качествѣ таковой оно принимало участіе въ городскомъ управленіи, посылало депутатовъ для составленія уставовъ, и совѣтъ долженъ былъ спрашивать его мнѣнія при всякомъ измѣненіи закона; по городскому праву оно также пользовалось свободой отъ ареста имущества за долги и обладало значительной властью надъ своими служащими. По отношенію же къ гарцскимъ лѣсамъ лѣсовладѣльцы (Waldwerken, silvani) составляли вмѣстѣ съ тѣмъ общину, которая собиралась на три лѣсные собранія (auf drei echten Forstdingen) и рядомъ съ горнымъ дѣломъ и плавильнями распоряжалась также пользованіемъ дровами, охотой и рыбной ловлею. Но для всего горнаго и плавильнаго дѣла совокупость всѣхъ горновладѣльцевъ и лѣсовладѣльцевъ составляла самостоятельное, автономное товарищество съ тѣмъ ограниченіемъ, что верховный надзоръ и судъ принадлежалъ сперва имперскому фохту, а впослѣдствіи городу Гослару, собственно комитету городского совѣта изъ шести чело-

*) Otto Gierke, Das deutsche Genossenshaftsrecht, Berlin, 1868, I, стр. 443.

вѣкъ. Поэтому промышленники сами управляли горнымъ дѣломъ подъ руководствомъ избираемаго ими горнаго судьи или бергмейстера; они на общемъ собраніи въ Госларѣ, хотя и подъ вліяніемъ совѣта, сами вырабатывали горный уставъ, положенія относительно горной полиціи (Bergfrieden) и горное право; въ качествѣ шеффовъ (засѣдателей), они рѣшали дѣла въ судѣ бергмейстера, бывшемъ первой инстанціей по долговымъ и собственно горнымъ дѣламъ, но каждый montanus долженъ былъ сперва обращаться къ нему и по всѣмъ остальнымъ дѣламъ».

Однако самостоятельность и чистота общиннаго строя врядъ ли гдѣ либо долго сохранялась въ горныхъ общинахъ. Возникновеніе крупнаго землевладѣнія такъ же подавляло ихъ, какъ и крестьянъ.

Конечно, богатыя горнозаводскія товарищества имѣли совершенно не такія средства для защиты отъ своихъ угнетателей, какъ бѣдныя крестьянскія общины; мы не нашли также ни одного примѣра, чтобы горновладѣльцы въ средніе вѣка впали гдѣ либо въ зависимое или крѣпостное состояніе. Но именно богатства рудниковъ подстрекали господъ сдѣлать ихъ оброчными. Господа объявили горное дѣло, подобно охотѣ, своей привиллегіей: въ иныхъ мѣстахъ на лѣвомъ берегу Рейна горное дѣло отчетливо приравнивается къ охотѣ, и «милостивому господину» предоставляется охота *на* землѣ и *въ* землѣ». Но самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ въ странѣ былъ король; ему прежде всего и удалось захватить рядъ рудниковъ; вскорѣ онъ сталъ предъявлять свои притязанія и на рудники, захваченные дворянами, монастырями или епископами. Короли или императоры въ Германіи объявили, наконецъ, что никто не можетъ заниматься горнымъ промысломъ, не получивъ на это отъ нихъ леннаго права. Горное дѣло, прежде всего добываніе золота, серебра и соли, было объявлено *регаліей*.

Въ началѣ императорамъ дѣйствительно удалось, по крайней мѣрѣ, отчасти осуществить свои притязанія. Нѣкоторые

примѣры этого приводитъ Ахенбахъ въ своей книгѣ, цитированной нами выше. Такъ, Фридрихъ I въ XII столѣтіи принудилъ нѣсколькихъ епископовъ взять свои рудники отъ него въ ленъ. Но уже въ слѣдующемъ столѣтіи началось паденіе императорской власти, между тѣмъ какъ крупные землевладѣльцы становились мѣстными государями. Горная регалія досталась теперь мѣстнымъ государямъ, и они вскорѣ стали достаточно сильными, сравнительно съ болѣе мелкими землевладѣльцами, отдѣльными общинами и товариществами, чтобы осуществить эту регалію окончательно.

Уже Карлъ IV вынужденъ былъ признать въ своей золотой буллѣ горную регалію курфюрстовъ. Наконецъ, Карлъ V гарантировалъ въ своей избирательной капитуляціи въ 1519 г. всѣмъ вообще имперскимъ чинамъ ихъ регаліи.

Общинная организація въ горномъ дѣлѣ была тогда уже повсюду уничтожена, по крайней мѣрѣ, въ болѣе значительныхъ промыслахъ. Не только мѣста избираемыхъ общинныхъ должностныхъ лицъ заняли чиновники государей, независимо отъ членовъ общины и промышленниковъ руководившіе горнымъ производствомъ, чинившіе судъ и рѣшавшіе, кто изъ промышленниковъ имѣетъ право леннаго пользованія шахтой, а кто нѣтъ, но и наступилъ конецъ также исключительности общиннаго строя по отношенію къ рудникамъ. Горное производство становилось все болѣе и болѣе непримиримымъ съ прежними ограниченіями. Оно нуждалось во все большемъ и большемъ количествѣ рабочихъ, которыхъ нужно было привлекать изъ отдаленныхъ мѣстъ, такъ какъ въ пустынныхъ горныхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ большинствѣ случаевъ находились рудники, населеніе было незначительно; чѣмъ дороже и обширнѣе становились рудники, тѣмъ больше они нуждались также въ приливѣ большихъ капиталовъ; отсюда стремленіе сдѣлать владѣніе рудниками доступнымъ крупнымъ капиталистамъ городовъ. Что эти капиталисты обыкновенно были въ самыхъ лучшихъ отноше-

ніяхъ съ государями, которыхъ они часто выводили своими ссудами изъ затруднительнаго финансоваго положенія, — это тоже могло способствовать тому, что государи употребили свою власть на уничтоженіе привиллегій общинниковъ относительно разработки рудниковъ. Рудники были выдѣлены изъ марки, горы, въ которыхъ они находились, объявлены были «свободными». Въ «свободныхъ» горахъ каждый могъ заниматься горнымъ промысломъ — подъ условіемъ разрѣшенія государя. Когда, такимъ образомъ, ограниченія, стѣснявшія приливъ постороннихъ элементовъ, были уничтожены, сюда, особенно на золотые и серебряные рудники устремилась искать счастья пестрая толпа купцовъ, ростовщиковъ, искателей приключеній, рабочихъ и нищихъ. Лишь это создало возможность быстраго развитія большихъ рудниковъ.

Всѣ связи рудника съ маркою были уничтожены. Не удивительно, что римскіе юристы, и безъ того ничего не понимавшіе въ общинномъ строѣ, не знали, какъ быть съ нѣмецкимъ горнымъ правомъ, возникшимъ изъ него. Лишь знаменитыя изслѣдованія Г. Л. фонъ-Маурера объ общинномъ строѣ дали ключъ къ пониманію какъ нѣмецкаго горнаго права, такъ и многихъ иныхъ соціальныхъ установленій.

II. Капиталистическое крупное производство въ горномъ дѣлѣ.

Для римскаго юриста нѣмецкій рудникъ въ началѣ XVI столѣтія представлялъ очень странное зрѣлище.

Разрабатывавшій шахту не имѣлъ на нее полнаго права собственности, а лишь право пользованія. Оно давалось чиновникомъ государя, бергмейстеромъ. Получившій это право составлялъ общество съ четырьмя паями или куксами (отъ чешскаго kus, пай), — впослѣдствіи ихъ было больше *). Опредѣ-

*) Въ этихъ идеальныхъ паяхъ рудника большую роль играютъ числа 3 и 4. По куттенбергскому горному уставу кажется несо-

ленное число этихъ куксовъ поступало въ пользу государя. Куксы можно было продавать. Владѣлецъ одного или нѣсколькихъ куксовъ былъ «промышленникомъ» («Gewerke»). Такимъ образомъ, рудники разрабатывались акціонерными обществами. Но куксъ не давалъ правъ на самый рудникъ, а только на *чистый доходъ* съ него. Доходъ этотъ дѣлился между владѣльцами куксовъ. Подобнымъ же образомъ между ними распредѣлялись и расходы производства. Если расходы въ теченіе нѣкотораго времени превышали доходы, и какой-либо промышленникъ не въ состояніи былъ вносить доплату, приходившуюся на его долю, то онъ терялъ свой куксъ, который его товарищи могли передать другому лицу. Если же разработка какого-нибудь рудника прекращалась, то общество теряло всѣ права на него, и государь могъ отдать его въ ленъ другимъ лицамъ.

Но не одни лишь эти постановленія расходились съ понятіями римскаго права собственности. Разработкой рудника руководили чиновники государя, узурпировавшаго права общины, и промышленники имѣли крайне мало вліянія на ходъ дѣла.

Горный уставъ герцога и курфюрста Августа Саксонскаго (напеч. въ 1574 г.) указываетъ въ третьей статьѣ слѣдующихъ чиновниковъ, назначенныхъ государемъ: два *горныхъ совѣтника*, которые должны посѣщать рудники черезъ каждые полгода съ *начальникомъ* (Hauptmann), *обербергмейстеромъ* и *управляющимъ рудникомъ*. «Сверхъ того, мы установили и назначили въ каждомъ горномъ городѣ, смотря по его положенію и размѣрамъ рудниковъ, одного бергмейстера и

мнѣніемъ, что право разработки рудника, если въ ней принимало участіе нѣсколько лицъ, первоначально дѣлилось на четыре идеальныхъ части. Впослѣдствіи изъ нихъ сдѣлали 8, 16, 32 и, наконецъ, 4×32=128 куксовъ; это число стало затѣмъ обычнымъ. Въ первый разъ оно указано въ одной грамотѣ 1327 г.; но въ Фрейбергѣ добыча дѣлилась на 128 куксовъ лишь съ 1698 г. (Ср. Achenbach, l. c., стр. 291).

соотвѣтствующее число присяжныхъ, свѣдущихъ въ горномъ дѣлѣ людей,—Zehender, Austheiler, Gegenschreiber, Bergschreiber, Hüttensverwalter, Hüttenreuter, Rezess-und Hüttenschreiber, Silberbrenner und Markscheider».

Промышленники назначали (ст. 2) штейгера и шихтмейстера, но съ согласія и позволенія начальника, оберъ-бергмейстера, управляющаго рудникомъ и бергмейстера каждой мѣстности. По ст. 44, эти чиновники имѣли право увольнять штейгеровъ и шихтмейстеровъ. Шихтмейстеръ принималъ рабочихъ и увольнялъ ихъ, но лишь съ согласія бергмейстера и двухъ присяжныхъ.

Агрикола, изъ книги *) котораго мы заимствовали послѣднее сообщеніе, подробно опредѣляетъ обязанности каждаго чиновника.

Горному начальнику всѣ обязаны повиноваться, онъ—верховный судья. Послѣ него стоитъ бергмейстеръ; по средамъ онъ вмѣстѣ съ присяжными производитъ судъ, въ другіе же дни осматриваетъ шахты и указываетъ, что въ нихъ дѣлать; по субботамъ штейгеры должны давать ему отчетъ.

Bergschreiber, горный писарь, пишетъ «квитанціи для желающихъ получить шахты» и каждую четверть года составляетъ для промышленниковъ отчетъ о приходахъ и расходахъ шахтъ, для которыхъ онъ ведетъ записи. Zehender получаетъ доходы съ шахтъ и выдаетъ штейгерамъ необходимыя суммы для ихъ разработки. Atstheiler вручаетъ промышленникамъ чистый доходъ. Если же вмѣсто дохода окажется дефицитъ, то горный писарь записываетъ суммы соотвѣтствующихъ доплатъ въ квитанціи, которыя, послѣ утвержденія ихъ бергмейстеромъ и двумя присяжными, прибиваются къ дверямъ соотвѣтствующихъ промышленниковъ или ихъ представителей. Штейгеръ завѣдываетъ шахтами и вы-

*) Мы пользовались нѣмецкимъ, прекрасно иллюстрированнымъ изданіемъ: „Vom Bergwerk. XII Bücher“ и т. д. Базель, 1557, стр. 73.

даетъ плату, размѣръ которой онъ опредѣляетъ вмѣстѣ съ присяжными. «Время отъ времени они (присяжные) со штейгерами нанимаютъ рудокоповъ прорыть нѣсколько лахтеровъ шахты за бо́льшую или меньшую плату, смотря по твердости породы» (стр. 71). Если рабочіе неожиданно натолкнутся на твердую породу, то плата соотвѣтствующимъ образомъ повышается или, наоборотъ, понижается, если порода окажется мягче. Наконецъ, шихтмейстеръ руководитъ рабочими и надзираетъ за ними въ шахтѣ.

Такимъ образомъ, не считая коммерческой части, которая въ серебряныхъ рудникахъ не имѣла особеннаго значенія, такъ какъ металлъ сдавался на монетный дворъ, промышленникамъ почти нечего было дѣлать въ горномъ производствѣ, кромѣ уплаты денегъ, если дѣло шло плохо, и полученія ихъ, если дѣло шло хорошо. Правда, Агрикола (стр. 41) говоритъ, что промышленники должны жить на рудникахъ, чтобы имѣть возможность лично надзирать за своими рабочими, не полагаясь на штейгеровъ: «отъ хозяйскаго, молъ, глаза лошади жирѣютъ». Но замѣчаніе Агриколы служитъ для насъ только доказательствомъ того, что промышленники въ его время уже предпочитали жить вдали отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ создавалось ихъ богатство; они стали излишними въ процессѣ производства, веденіе котораго взяла въ свои руки бюрократія государя.

Въ той же мѣрѣ, въ какой *личность* промышленника становилась ненужной для горнаго производства, возросталъ запросъ на его *капиталъ*. Успѣшное веденіе горнаго дѣла скоро стало привиллегіей капиталистовъ, крупныхъ торговцевъ и банкировъ въ городахъ.

Горнозаводская техника развивалась въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ началѣ новаго времени съ поразительной быстротой, особенно же въ Германіи, которая была тогда «Перу Европы», страной, самой богатой золотомъ и серебромъ въ нашей части свѣта.

Трудности и опасности разработки рудника быстро возрастают по мѣрѣ его углубленія. Поэтому добываніе большинства продуктовъ, напр., желѣза и каменнаго угля, какъ мы уже замѣтили, долго оставалась въ очень примитивномъ состояніи *).

Съ простыми орудіями нельзя было идти въ глубину дальше извѣстныхъ предѣловъ; становилось затруднительнымъ извлеченіе руды, не было надлежащаго притока воздуха, вслѣдствіе чего нельзя было идти дальше, шахты наполнялись водой. Но спросъ на металлы устранилъ эти препятствія, завербовалъ къ себѣ на службу пытливый духъ ученыхъ и практиковъ; едва возникшей научной техникѣ онъ ставилъ все новыя и болѣе трудныя задачи, гналъ ее отъ открытія къ открытію, такъ что она, все болѣе и болѣе подчиняя себѣ силы природы, придумывала все лучшія орудія и создавала все болѣе грандіозныя сооруженія.

*) Добываніе бураго каменнаго угля въ Рудныхъ горахъ до половины прошлаго столѣтія приносило слишкомъ мало дохода для того, чтобы здѣсь стало возможнымъ крупное производство. Здѣсь существовали лишь небольшія шахты, иногда лишь временныя приспособленія, гдѣ добывали уголь сами промышленники со своими женами и дѣтьми; въ шахтахъ обыкновенно работали лишь зимою, когда не было сельскохозяйственныхъ работъ. Промышленниками были преимущественно крестьяне (Ср. Braf, Studien über nordböhmische Arbeiterverhältnisse. Prag, 1881, стр. 4).—Грифельный шиферъ въ Мейнингенскихъ горахъ еще и теперь добывается самымъ первобытнымъ способомъ. „Вездѣ разработка состоитъ въ копаніи большаго числа ямъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ возможно ближе къ поверхности надѣются найти лучшій и самый удобный для обработки шиферъ. Забираютъ самый лучшій камень, мусоръ сбрасываютъ у самаго мѣста нахожденія и бросаютъ работу, лишь только пластъ прервется или яма наполнится водой вслѣдствіе очень недостаточнаго или совершенно отсутствующаго удаленія ея“. Производствомъ занимаются мелкія товарищества грифельныхъ рабочихъ-арендаторовъ, которые сами добываютъ свой сырой матеріалъ“. (E. Sax, Die Hausindustrie in Thüringen, Jena, 1882, I, стр. 70). Такимъ мы должны представлять себѣ въ началѣ и всякое горное производство.

Такимъ образомъ, въ XVI столѣтіи горное производство въ Германіи достигло уже удивительной высоты техническаго развитія.

Кто желаетъ познакомиться съ этимъ вопросомъ ближе, тому прекраснымъ руководствомъ можетъ послужить цитированная нами уже книга Георга Агриколы изъ Хемнитца.

Для той же цѣли, которую мы теперь имѣемъ въ виду, умѣстнѣе будетъ привести менѣе подробное и спеціальное, но болѣе живое, наглядное и краткое описаніе, представленное іоахимстальскимъ пасторомъ Матезіусомъ въ его «Сарептѣ»,— описаніе техническихъ приспособленій, бывшихъ необходимыми въ его время для разработки серебрянаго рудника *).

Горное дѣло уже завербовало къ себѣ на службу науку. Устраивать рудники и руководить ими должны были теоретически образованные инженеры. Эта работа была уже далеко не по силамъ простому необразованному рудокопу.

Компасъ, правда, употреблялся уже и простыми рудокопами. «Это хорошій инструментъ, достойный признательности и похвалы. Ибо онъ не только путешественникамъ на землѣ и мореплавателямъ въ открытомъ морѣ, но и вамъ, рудокопамъ, когда вы находитесь подъ землею, показываетъ, въ какую сторону устраивать ходы и куда идти». Изъ этого видно, какъ сложны и запутаны были тогда шахты, если рудокопу, чтобы оріентироваться въ нихъ, нуженъ былъ компасъ. Но въ особенности онъ нуженъ былъ инженерамъ при ихъ тригонометрическихъ измѣреніяхъ для опредѣленія границъ отдѣльныхъ шахтъ, для устройства вентиляціонныхъ шахтъ и т. п. «Особенно же онъ важенъ для благороднаго маркшейдерскаго искусства (Markscheiden), которое необходимо въ руднике, чтобы не причинить ущерба промышленникамъ, не сдѣ-

*) Iohann Mathesius, „Bergpostilla oder Sarepta... Sampt der Ioachimshalischen kurtzen Chonik bis auffs 1578 Jar, Nürnberg, 1578. Это—собраніе проповѣдей, произносившихся съ 1554 по 1562 г.

лать ошибки въ направленіи шахты, чтобы удалять воду, проводить воздухъ, охранять и соблюдать права каждаго... Люди должны знать Эвклидову и основную геометрію, имѣть много инструментовъ, и веревокъ и мѣръ вмѣстѣ съ ихъ старыми инструментами, масштабами, и веревками. Но измѣрять треугольникомъ и слѣдить за соотвѣтствіемъ частей—это требуетъ умѣнья мастера» (стр. 153).

Здѣсь мы уже видимъ проявленіе отличительной особенности капиталистической крупной промышленности, раздѣленія работниковъ на два класса: съ одной стороны, необразованные работники ручного труда, съ другой,—образованные работники умственнаго труда; у первыхъ наибольшія требованія предъявляются къ ихъ физической силѣ, у вторыхъ — къ ихъ умственнымъ способностямъ.

Однако въ началѣ XVI вѣка еще не было «перепроизводства интеллигенціи», по крайней мѣрѣ, въ технической области,—скорѣе оно могло быть въ богословской области. Инженеровъ еще не развелось такъ много, какъ теперь, и поэтому ихъ высоко цѣнили. Потому-то и Матезіусъ говоритъ, что нужно «высоко цѣнить усилія и трудъ художниковъ, и такихъ искусныхъ людей, которые имѣютъ дѣло съ истиною, надо ставить выше другихъ горнозаводскихъ, умѣющихъ лишь устроить старую шахту. Даже князья и господа умѣютъ цѣнить такихъ искусныхъ людей, которыхъ Богъ и природа поставили выше другихъ. Императоръ Максиміліанъ относился къ своимъ художникамъ очень хорошо; когда тотъ человѣкъ, который устроилъ промыселъ въ Инсбрюккѣ и водоотливъ на Куттенбергѣ, и однимъ инструментомъ точно ливеромъ спустилъ воду изъ большого озера,—подвергся со стороны нѣкоторыхъ дурному обращенію и обратился къ императору съ жалобою, императоръ сказалъ: «это люди не умѣютъ обращаться съ художниками».

«Но такъ какъ, благодаря Бога, эти и другія свободныя искусства въ наше время снова водворяются въ училища,

рядомъ съ евангеліемъ, и многіе добрые люди знаютъ, какой цѣли они служатъ и какъ можно пользоваться четыреугольникомъ и треугольникомъ для измѣренія земли, то горновладѣльцы и горные города должны помогать и содѣйствовать тѣмъ умнымъ людямъ, которые имѣютъ способность и склонность, охоту и любовь къ математическимъ занятіямъ и искусствамъ, чтобы они основательно изучали (aus dem rechten Grunde ergreifen) это измѣреніе (solch markscheiden) и вводили полезные и прочные инструменты, дабы можно было постоянно, изо-дня въ день съ незначительными расходами удалять воду и извлекать руду».

Такимъ образомъ, въ горномъ дѣлѣ наука уже въ началѣ XVI столѣтія стала служить производству; традиція, обычаи отцовъ, играющіе такую роль въ ремесленномъ производствѣ, были изгнаны, и мѣсто ихъ заняло, въ качествѣ революціоннаго фактора, методическое, научное изслѣдованіе; результатомъ его являются постоянные перевороты въ производствѣ, изобрѣтенія все болѣе усовершенствованныхъ инструментовъ, т. е. такихъ, которые требуютъ меньшихъ расходовъ, сберегаютъ больше труда. Все это черты, свойственныя современной, капиталистической крупной промышленности.

До какой степени при такихъ обстоятельствахъ дошло тогда примѣненіе машинъ въ горномъ дѣлѣ, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ Маттезіуса (стр. 145 и слѣд.): «Горная работа—лошадиная работа; иной подниметъ тяжелыми воротами руду и воду до того, что не только у него пойдетъ кровь горломъ, но часто онъ и шею сломитъ, такъ какъ онъ весь день долженъ стоять совершенно голымъ, выкачивать воду и выполнить свой урокъ. И это тоже милость Божья, что Богъ тяжелый трудъ въ потѣ лица, на который за грѣхи обреченъ родъ человѣческій, облегчаетъ полезными инструментами и искусствами, даетъ возможность запречь лошадь, вмѣсто людей, поднимать при помощи полезныхъ искусствъ водой, вѣтромъ и

огнемъ изъ глубины руду и воду, чтобы уменьшить расходы и облегчить извлеченіе скрытыхъ сокровищъ.

«Это благотворное дѣло, что работаютъ скотъ и стихіи, выполняютъ свою задачу, и что многіе искусные люди приносятъ пользу рудникамъ своимъ искусствомъ,—дѣло достойное благодарности передъ Богомъ, и передъ людьми похвалы и вознагражденія. Стоять у тяжелаго ворота и дѣлать много поворотовъ за одинъ пфеннигъ,часто подвергаться опасности быть сдвинутымъ имъ и получить ударъ—это тяжелая работа. Подобнымъ же образомъ, когда вы вдвоемъ вытаскиваете въ одну смѣну массу воды, такъ какъ ушатъ содержитъ почти ведро,—это тоже стоитъ много труда и измождаетъ руки и ноги. Теперь Богъ далъ художниковъ, которые придумали выгодное и полезное изобрѣтеніе, придѣлали къ вороту подъемныя колеса, рычаги, чтобы дѣло шло легче и успѣшнѣе»... *).

Маттезіусъ говоритъ только о добываніи руды. Изъ сочиненія же Агриколы видно, какія сложныя приспособленія употреблялись для ея обработки,—толчеи, плавильныя печи, приборы для отдѣленія металловъ и обработки «твердыхъ соковъ», какъ соль, стекло и т. д. Но и изъ цитированнаго нами достаточно ясно видно, что горное производство, по крайней мѣрѣ, въ добываніи благородныхъ металловъ, въ XVI столѣтіи давно уже утратило ремесленный характеръ. Оно состояло уже не изъ простыхъ пріемовъ, которые горнорабочій могъ бы усвоить во время ученія, чтобы по окончаніи его понимать весь процессъ производства. Оно переросло пониманіе простого рабочаго; рудникъ сталъ огромнымъ, сложнымъ организмомъ, требовавшимъ обширныхъ, искусныхъ и крайне сложныхъ приспособленій, управлять которыми могли лишь научно образованные тех-

*) Дальше въ цитатѣ изъ книги Маттезіуса слѣдуетъ длинный перечень изобрѣтенныхъ и введенныхъ тогда приспособленій; мы пропускаемъ этотъ перечень, какъ не представляющій интереса для нашихъ читателей. *Г. Л.*

ники, «художники», а приводить въ движеніе—лишь силы, превышающія силы человѣка,—организмомъ, для обладанія которымъ и содержанія его нуженъ былъ *капиталъ*.

При такихъ условіяхъ пролетарій не могъ имѣть надежды устроить свою собственную шахту въ подобномъ рудникѣ. Но и болѣе мелкіе капиталисты тоже не въ состояніи были порознь достать средства, необходимыя для надлежащихъ горнозаводскихъ приспособленій.

Конечно, могли соединиться нѣсколько такихъ капиталистовъ и образовать общество, что часто и случалось. Но результаты не всегда были благопріятны *).

Геологія была тогда еще въ началѣ своего развитія, поэтому горное дѣло было азартной игрой еще въ гораздо большей степени, чѣмъ это часто бываетъ теперь. Доходность рудниковъ колебалась въ совершенно неимовѣрной степени. По временамъ бросали не только отдѣльныя шахты, но и цѣлые рудники, чтобы впослѣдствіи снова съ успѣхомъ приняться за ихъ разработку.

Въ X столѣтіи началась разработка серебряныхъ рудниковъ въ Гарцѣ (въ Госларѣ). Въ первые столѣтія они давали необыкновенно богатую добычу. Затѣмъ, о нихъ уже мало что слышно, пока въ 1205 г., послѣ долгаго перерыва, снова не принялись за ихъ разработку.

Въ XII столѣтіи началась разработка саксонскихъ серебряныхъ рудниковъ, въ XIII — богемскихъ. Венцель II Богемскій говорилъ въ 1295 г. въ своемъ горномъ уставѣ, что золотые и серебряные рудники повсюду истощены,—лишь Богемія изобилуетъ золотомъ и серебромъ. Госларскіе рудники въ теченіе XIV столѣтія снова были оставлены, и за нихъ опять принялись

*) Паи (куксы) не всегда были доступны по цѣнѣ для небогатыхъ людей. Въ нѣкоторыхъ участкахъ Іоахимсталя куксъ продавался за тысячу іоахимсталеровъ,—сумма значительная по тому времени. (Matthesius, стр. 18).

лись лишь въ 1419 г., послѣ чего разработка ихъ продолжалась болѣе ста лѣтъ.

Мейссенскіе рудники разрабатывались безпрерывно,—но какъ колебалась ихъ добыча!

Добыча Маріенбергскихъ рудниковъ въ 1520 г. равнялась 258 флориновъ; въ 1521 г.—772 фл., въ 1522 г.—1806 фл., 1523 г.—1161 фл., въ 1529 г.—2.562 фл., въ 1530 г.—6.572 фл.; затѣмъ, она быстро повысилась, достигла въ 1540 г. наибольшей высоты 270.384 фл. въ 1552 г., а въ 1552 г. снова пала до 22.649 фл.

Въ Шнээбергѣ дѣлившаяся чистая прибыль (т. е. за вычетомъ расходовъ по разработкѣ) съ доходныхъ участковъ была такова:

Годы.	Марки чист. серебра.	Годы.	Марки чист. серебра.
1511	6.192	1519	6.679
1512	59.340	1520	10.787
1513	17.673	1521	774
1514	8.127	1522	6.321
1515	14.214	1523	1.935
1516	2.156	1524	253
1517	25.324	1525	2.515
1518	96.675		

Такимъ образомъ, дѣлившаяся между пайщиками чистая прибыль съ доходныхъ участковъ колебалась между 59.000 и 250 марокъ въ годъ. Сколько же приходилось доплачивать за бездоходные участки, намъ неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ на многихъ участкахъ случались годы съ большимъ дефицитомъ, когда приходилось или вносить значительную доплату, или прекращать производство (или участіе въ немъ) и, такимъ образомъ, совершенно терять затраченный капиталъ.

Крупный капиталистъ, могшій выносить такія колебанія, получалъ въ среднемъ изрядный годовой доходъ Мелкій же

капиталистъ легко могъ разориться. Если же ему везло, если предпріятіе его оказывалось прибыльнымъ, то и тогда было достаточно средствъ, чтобы отбить у него охоту участвовать въ дѣлѣ, благодаря тому вліянію, которымъ пользовались крупные финансисты у государей и ихъ чиновниковъ.

Агрикола разсказываетъ, что многіе считали горное дѣло безнравственнымъ, вслѣдствіе такихъ пріемовъ, существованіе которыхъ онъ отрицать не можетъ. «Если возникнетъ надежда, что гдѣ-либо есть металлъ, является государь или власти и отнимаютъ у промышленниковъ соотвѣтствующую шахту *); или окажется какой-нибудь хитрый своекорыстный сосѣдъ и начнетъ процессъ противъ старыхъ промышленниковъ, чтобы оттягать у нихъ хоть часть шахты. Или горный начальникъ требуетъ съ промышленниковъ большихъ платежей, и если они не хотятъ или не могутъ внести ихъ, онъ, вопреки всякой справедливости, беретъ шахту себѣ и пользуется ею. Или, наконецъ, штейгеръ заваливаетъ ходъ; затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, когда промышленники думаютъ, что шахты истощены и оставляютъ ихъ, онъ начинаетъ добывать руду и противозаконно присваиваетъ ее себѣ. Сверхъ того, вся масса рудокоповъ (здѣсь идетъ рѣчь не о наемныхъ рабочихъ) состоитъ изъ лживаго, мошенническаго и разнузданнаго сброда... Онъ или расхваливаетъ какую-нибудь шахту вымышленными извѣстіями, чтобы продать куксы вдвое дороже, чѣмъ они стоятъ,—или, напротивъ, распространяетъ о ней неблагопріятныя ложныя извѣстія, чтобы дешевле купить куксы» (1 книга).

Не удивительно, что горное дѣло пользовалость столь-же дурной славой, какъ теперь биржа,—но и привлекало оно капиталистовъ не меньше, чѣмъ биржа. Какъ и биржа, оно

*) Первая статья горнаго устава Августа Саксонскаго 1574 г. обѣщаетъ промышленникамъ, что ихъ участки впредь не будутъ подвергаться конфискаціи, какъ это часто бывало; очень милое оффиціальное признаніе.

было средствомъ экспропріаціи мелкихъ капиталистовъ, желающихъ скорѣе разбогатѣть, въ пользу капиталистовъ крупныхъ, къ которымъ, понятно, не рѣшались примѣнять вышеупомянутыя мѣры,—какъ Фуггеры, державшіе въ арендѣ швацскіе золотые рудники *), или цвиккаускіе купцы Ремеры, два брата, захватившіе львиную часть дохода шнэебергскихъ рудниковъ и этимъ чрезвычайно увеличившіе свое богатство.

«Кто хочетъ разрабатывать рудникъ», говоритъ Маттезіусъ: «тотъ долженъ имѣть *деньги* или трудолюбивыя *руки*, потому что только *очень богатые* или *очень бѣдные* должны браться за это дѣло, рыть шурфы» и т. д.

Иными словами,—въ горномъ дѣлѣ могли существовать уже только *крупные капиталисты* и *пролетаріи*.

III. Горнорабочіе.

По мѣрѣ того, какъ старинные общинники, разрабатывавшіе рудники, превращались въ капиталистическихъ промышленниковъ, работники или рудокопы, съ которыми раньше общинники вели горное дѣло, превращались въ наемныхъ пролетаріевъ. Они уже работали не вмѣстѣ съ хозяевами, не жили съ ними въ ихъ домахъ, дѣля съ ихъ семьями горе и радости. Старыя патріархальныя отношенія прекратились. Часто рудокопы едва знали въ лицо капиталиста, на котораго они работали,—какого-нибудь богатаго купца въ городѣ, не имѣвшаго и понятія о работѣ въ рудникахъ.

Правда, тамъ, гдѣ горный округъ былъ выдѣленъ изъ общей марки и объявленъ «свободнымъ», теоретически каждый, даже бѣдный человѣкъ имѣлъ возможность стать промышлен-

*) Аугсбургскіе Фуггеры получали съ однихъ только рудниковъ въ Швацѣ, въ Тиролѣ, отданныхъ имъ въ залогъ,—200.000 флориновъ ежегодно; общество аугсбургскихъ Гехштэттэровъ добыло въ этихъ рудникахъ съ 1511 по 1517 г. не менѣе 149.770 марокъ очищеннаго серебра и 52.915 центнеровъ мѣди (J. Jansen, Geschichte des deutschen Volkes, II, стр. 390).

никомъ. Но если при условіяхъ, изложенныхъ нами выше, горная промышленность была дѣломъ рискованнымъ уже для менѣе состоятельнаго человѣка, то для неимущаго она фактически стала невозможной. Самое большее,—развѣ иногда какому-нибудь штейгеру представлялась возможность возвыситься до положенія промышленника.

Конечно, по сравненію съ нынѣшними обстоятельствами, положеніе рудокопа въ началѣ XVI столѣтія не было неблагопріятнымъ. Рабочій день, продолжительность работы одной смѣны, по словамъ Агриколы (4 кн.), равнялся обыкновенно 7 часамъ. Первая смѣна начинала работу въ 4 утра и работала до 11 часовъ; вторая смѣна работала съ 12 до 7 часовъ. Ночная смѣна (съ 8 часовъ вечера до 3 утра) допускалась лишь въ случаѣ крайней необходимости. Ни одинъ рабочій не могъ работать двѣ смѣны подрядъ, потому что иначе онъ уснулъ бы за работой,—«такъ изнуряетъ его продолжительный и тяжелый трудъ».

Работа прекращалась не только на воскресные и праздничные дни, но и по субботамъ. Субботой рудокопы должны были пользоваться для закупки припасовъ на слѣдующую недѣлю. Такимъ образомъ, недѣльное рабочее время равнялось 35 часамъ; оно бывало еще короче, если на недѣлѣ приходился праздничный день, а праздниковъ тогда было не мало. Иногда же смѣны были еще короче; такъ, въ Куттенбергѣ и на Гарцѣ смѣны были шестичасовыя *).

Относительно платы горнорабочихъ мы не нашли свѣдѣній въ доступныхъ намъ источникахъ. Но если мы вспомнимъ, что общее положеніе рабочихъ относительно матеріальныхъ условій жизни было въ началѣ XVI вѣка лучше теперешняго, и что горнорабочіе занимали видное мѣсто среди рабочаго на-

*) Ср. очень поучительную статью Т. Ахенбаха „Die deutschen Bergleute der Vergangenheit“ въ „Zeitschrift für Bergecht“, изд. Брассертомъ и Ахенбахомъ въ Боннѣ, XII годъ, 1871, стр. 110.

селенія, то мы можемъ предположить, что плата ихъ была сравнительно хорошей.

Но въ положеніи горнорабочихъ, какъ и вообще наемныхъ рабочихъ, уже сказалась тенденція къ ухудшенію. Мы видѣли, что въ горномъ дѣлѣ въ XVI столѣтіи уже совершилось отдѣленіе умственнаго труда отъ физическаго. Это уменьшало значеніе и доходы тѣхъ, кому выпалъ на долю исключительно физическій трудъ. Ихъ легче было замѣстить, имъ надо было меньше учиться, и расходы на производство ихъ рабочей силы были сравнительно меньше. Раздѣленіе труда шло все дальше и все больше принижало положеніе горнорабочихъ.

Настоящій горнорабочій долженъ бы много знать, но рѣдкій изъ нихъ знаетъ все свое искусство, жалуется Агрикола (1 кн.): «Очень немного можно найти такихъ, которые вполнѣ знаютъ горное дѣло. Обыкновенно одинъ умѣетъ только шурфовать, другой - промывать, тотъ ограничивается искусствомъ плавленія, а тотъ маркшейдерскимъ искусствомъ, иной дѣлаетъ искусственныя сооруженія, а иной опять свѣдущъ въ горномъ правѣ».

При различныхъ машинахъ былъ рядъ такихъ работъ, которыя могъ выполнять каждый сильный человѣкъ безъ продолжительнаго обученія. При обработкѣ руды часто уже употреблялся женскій и даже дѣтскій трудъ, въ особенности же при очищеніи и промывкѣ ея, какъ это видно изъ восьмой книги Агриколы.

Въ горномъ дѣлѣ возрастало число такихъ занятій, которымъ каждый научался легко и быстро безъ всякой подготовки, которыя были доступны каждому здоровому человѣку.

Доступность работы на рудникахъ для *всѣхъ*, которой юридически проложило дорогу выдѣленіе рудниковъ изъ общей марки, была фактически осуществлена развитіемъ техники.

Не было недостатка въ людяхъ, пользовавшихся этой доступностью,—въ разорившихся крестьянахъ и городскихъ про-

летаріяхъ, которые, если они не становились бродягами или ландскнехтами, такъ же охотно шли на серебряные и золотые рудники Саксоніи, Богеміи, Зальцбурга, Тироля, какъ въ 1849 г. разорившіеся и экспропріированные люди устремлялись въ Калифорнію. Большинство горнорабочихъ, говоритъ Агрикола, ничего не понимаетъ въ горномъ дѣлѣ. «Потому что на рудники идутъ обыкновенно такіе люди, которые много задолжали и не могутъ уплатить долга, или обанкротившіеся торговцы, или люди, бѣжавшіе отъ плуга вслѣдствіе тяжелой работы»

Отецъ Лютера, рудокопъ на Мансфельдскомъ рудникѣ, былъ тоже разорившійся крестьянинъ.

Гдѣ разрабатывался серебряный рудникъ, туда быстро стекалось много народа. Такъ, въ 1471 г., когда на Шнэебергѣ въ Саксоніи были открыты богатыя серебряныя жилы, тамъ, точно по колдовству, возникъ цѣлый городъ. Когда въ 1516 г. стали разрабатывать рудники въ Іоахимсталѣ, туда, говорятъ, стеклось болѣе 8000 горнорабочихъ.

Такимъ образомъ, въ рабочихъ силахъ недостатка не было. Не удивительно, что заработная плата понижалась или, по крайней мѣрѣ, не поднималась, несмотря на быстрое повышеніе цѣнъ въ началѣ XVI вѣка.

Промышленники и чиновники государей содѣйствовали этой тенденціи, какъ только могли. Они не только, по мѣрѣ возможности, понижали плату, но и отъ нея оттягивали у рудокоповъ значительную часть разными мошенническими пріемами, напр., разсчитываясь монетой низкаго достоинства или товарами.

Такъ, относительно Шнэеберга въ концѣ XV вѣка говорится: «Когда добыча серебра въ Шнэебергѣ настолько увеличилась, что невозможно было весь металлъ перечеканить въ монету, промышленники начали вывозить выплавленное серебро въ слиткахъ въ другія мѣста, чтобы обмѣнивать тамъ на мо-

нету съ меньшимъ содержаніемъ серебра, которой они разсчитывали, или вѣрнѣе, надували горнорабочихъ» *).

Въ цитированномъ уже нами горномъ уставѣ Августа Саксонскаго 1574 г. найдено необходимымъ предписать въ особой статьѣ (47), чтобы рабочихъ разсчитывали полноцѣнной монетой. Ст. 43 запрещаетъ штейгерамъ и шихтмейстерамъ брать рабочихъ на содержаніе.

Противъ разсчета товарами вообще издано было безчисленное множество предписаній, что показываетъ, какъ сильно былъ распространенъ этотъ обычай. Конечно, большею частью воспрещалось лишь навязываніе товаровъ насильно. Такъ, тирольскій горный уставъ («Erfindung») 1510 г. говоритъ: «Чтобы ни одного рабочаго не принуждали и не заставляли получать плату товарами, а чтобы это было предоставлено на волю каждому, и если рабочій не захочетъ брать товаровъ, а станетъ требовать своей платы, то ты, какъ нашъ горный судья, долженъ содѣйствовать ему согласно горному праву, принять жалобу и произвести судъ по этому уставу».

Но, повидимому, эти предписанія обыкновенно оставались лишь на бумагѣ. Не надо забывать, что чиновники государей имѣли рѣшающее вліяніе на высоту заработной платы и обращеніе съ горнорабочими, что, слѣдовательно, безъ ихъ согласія пониженіе платы и уменьшеніе ея совершенно не могло бы имѣть мѣста.

Рабочіе, дѣйствительно, считали государей и ихъ чиновниковъ такими же врагами своими, какъ и самихъ промышленниковъ. Съ *мелкими* промышленниками они имѣли даже много точекъ соприкосновенія, объединявшихъ ихъ. Идеалъ горнорабочаго состоялъ въ томъ, чтобы самому стать когда нибудь такимъ промышленникомъ. Но мы уже видѣли, что государи, ихъ чиновники и крупные капиталисты эксплуатировали и оби-

*) E. Herzog, Chronik der Kreisstadt Zwickau, I, стр. 201.

жали мелкихъ промышленниковъ, затрудняли имъ и часто дѣлали невозможнымъ доступъ къ богатымъ шахтамъ. Этимъ они уменьшали и безъ того слабую надежду горнорабочаго когда нибудь выйти изъ пролетаріата. Мелкіе промышленники и рабочіе имѣли передъ собою однихъ и тѣхъ же противниковъ,— какъ теперь ремесленники и пролетаріи. Это приводило къ тому, что они иногда *вмѣстѣ* подымались противъ своихъ общихъ враговъ, государей, чиновниковъ и крупныхъ капиталистовъ. Такое объединеніе мы находимъ особенно часто въ альпійскихъ рудникахъ.

Тѣснѣе всего это объединеніе рабочихъ съ промышленниками было въ тѣхъ рудникахъ, гдѣ сохранилось мелкое производство, напр., гдѣ добывалась желѣзная руда. Здѣсь промышленникъ самъ работалъ въ своей шахтѣ и часто безъ наемныхъ рабочихъ, а лишь съ членами своей семьи. Но и въ такихъ рудникахъ нерѣдко развивался антагонизмъ между рабочими и капиталистами. Если, напр., въ желѣзныхъ рудникахъ сохранилось мелкое производство, то плавильни уже превратились въ большія сооруженія съ капиталистической постановкой дѣла, и шахты скоро попали въ полную зависимости отъ плавилень, такъ что якобы самостоятельные арендаторы, разрабатывавшіе шахты, стали такими же наемными рабами владѣльцевъ плавилень, какъ, напр., теперь «самостоятельные» грифельщики въ Мейнингенскомъ Нагорьѣ, являются рабами своихъ скупщиковъ.

Самый рѣзкій антагонизмъ между горнорабочими и промышленниками былъ на золотыхъ и серебряныхъ рудникахъ. Они больше всѣхъ страдали отъ гнета бюрократіи государей. Но именно въ такихъ рудникахъ и рабочіе были болѣе способны къ противодѣйствію.

Рудокопы были единственными рабочими, которые рано уже работали большими массами: въ этомъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, ихъ можно сравнить съ современными рабочими крупной промышленности. Уже въ средніе вѣка рабочіе на боль-

шихъ рудникахъ считались тысячами, въ особенности на серебряныхъ, какъ на Гарцѣ, Фрейбергѣ, Иглау и Куттенбергѣ *), а въ послѣдствіи также на Мансфельдскомъ рудникѣ **) и т. д.

Но въ отличіе отъ современныхъ рабочихъ они были вооружены. Еще въ 1530 г. на встрѣчу Карлу V въ Шацѣ (Тироль) вышло 5600 вооруженныхъ горнорабочихъ, которые маневрировали въ его присутствіи.

О мансфельдскихъ горнорабочихъ, игравшихъ особенную роль въ тюрингскомъ возстаніи, Шпангенбергъ разсказываетъ, что имъ въ 1519 г. былъ сдѣланъ смотръ: «Графъ Гебгардъ Мансфельскій, въ отсутствіе брата своего, графа Альбрехта, бывшаго у графа Генриха въ Брауншвейгѣ, объявилъ и приказалъ горнорабочимъ отъ своего имени и отъ имени брата своего быть готовыми и явиться со своимъ лучшимъ оружіемъ, когда ихъ позовутъ. На это всѣ охотно и съ радостью откликнулись, и горный фохтъ въ Эйслебенѣ, Бастіанъ Метцельвитцъ велѣлъ всѣмъ явиться на смотръ 21 сентября на равнину надъ Виммельбургомъ; здѣсь онъ произвелъ имъ смотръ и нашелъ, что они недурно вооружены» ***).

Въ этихъ вооруженныхъ баталіонахъ рабочихъ господствовалъ строптивый, смѣлый духъ, и они готовы были силою сопротивляться всякой несправедливости, причиненной имъ. Чѣмъ рѣзче становилось противорѣчіе интересовъ, съ одной стороны, ихъ, а съ другой, капиталистовъ и государей, господствовавшихъ въ горномъ дѣлѣ, тѣмъ чаще повторялись ихъ возстанія.

*) Achenbach, Die deutschen Bergleute der Vergangenheit.

**) Горнорабочіе мансфельдскаго рудника, говоритъ Бирингенъ, „обыкновенно получаютъ черезъ каждые 14 дней всю причитающуюся имъ плату въ горномъ управленіи, въ Эйслебенѣ, гдѣ заблаговременно распредѣляется вся поденная плата въ 18—20.000 талеровъ горнорабочимъ, угольщикамъ, служащимъ и т. д.“. (Johann Albert Bieringens S. S. Theol. Cultor. und Mannszfeldischen Landes-Kindes Historische Bescheibung des sehr alten und löblichen Mannszfeldischen Bergwerks, Leipzig und Eisleben, 1743, стр. 8.

***) Cyriacus Spangenberg, Sächsische Chronica, Frankfurt a. M. 1535.

въ лѣтописяхъ того времени, именно въ послѣднія десятилѣтія и годы передъ взрывомъ крестьянской войны упоминается о необыкновенно многочисленныхъ возстаніяхъ горнорабочихъ, что свидѣтельствуетъ о крайней напряженности положенія дѣлъ.

Мы упомянемъ здѣсь объ одномъ примѣрѣ борьбы за заработную плату изъ того времени.

Въ 1478 г. герцоги Эрнстъ и Альбрехтъ саксонскіе писали фрейбургскому совѣту: «Наши любезные и вѣрные. До нашего свѣдѣнія дошло, что рабочіе на Шнээбергѣ и повсюду въ нашихъ земляхъ и въ княжествѣ, гдѣ разрабатываются рудники требуютъ большей платы, чѣмъ имъ обыкновенно до сихъ поръ давали. Если бы требованіе ихъ было принято и исполнено, то это могло бы въ будущемъ причинить намъ и нашимъ (людямъ) значительный ущербъ. Для предупрежденія этого мы желаемъ посовѣтоваться со свѣдущими людьми нашего княжества, чтобы принять и установить общее положеніе, сколько платить каждому рабочему соотвѣтственно его работѣ. Поэтому мы желаемъ, чтобы вы въ первый вторникъ послѣ воскресенія oculi прибыли къ намъ въ Дрезденъ, взявъ съ собою двухъ или трехъ человѣкъ, свѣдущихъ въ горномъ дѣлѣ, знакомыхъ съ работой и платой рабочихъ. На этотъ день мы созвали и другихъ нашихъ свѣдущихъ въ горномъ дѣлѣ людей для выработки такого устава и положенія... Дано въ Дрезденѣ, въ понедѣльникъ послѣ воскресенія reminiscere. Въ лѣто господне 1478» *).

Такимъ образомъ, рабочіе не были приглашены на совѣщаніе. Какой результатъ дало это совѣщаніе, намъ неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ миръ былъ непродолжителенъ. Уже относительно 1498 г. говорится: «Такъ какъ имъ (горнорабочимъ) хотѣли высчитать по одному грошу изъ платы, то они въ 1496 г. обратили въ бѣгство судью и шеппов (судебные засѣдатели)

[1]) Перепечатано въ Klotzsch, Usprung der Bergwerke in Sachsen, стр. 58.

въ Шнэебергѣ, и часть ихъ ушла съ горы, часть направилась въ Шлеттау и на Люсснитцъ, часть же въ Гейеръ, и тогдашній начальникъ фонъ-деръ Планитцъ долженъ былъ съ поселянами занять Шнэебергъ. Однако часть ихъ уже черезъ четыре дня вернулась къ своимъ обязанностямъ. Тѣмъ не менѣе, эта строптивость черезъ два года повторилась: въ 1498 г. они требовали у мотальщиковъ и подручныхъ, подъ угрозою изрубить ихъ въ куски, чтобы тѣ присоединились къ нимъ и шли вмѣстѣ съ ними противъ цвиккауцевъ и плауэнцевъ, вызванныхъ противъ нихъ;—однако ихъ путемъ увѣщаній, въ концѣ концовъ, удалось успокоить» *).

Въ 1496 г. возстали вслѣдствіе несогласій относительно платы и гуттенбергскіе рудокопы, вышли съ оружіемъ въ рукахъ и направились со знаменами на сосѣднюю гору, устроивъ тамъ лагерь. Но, въ концѣ концовъ, они вынуждены были уступить. Изъ Іохимсталя у насъ есть извѣстія о волненіяхъ горнорабочихъ передъ самымъ взрывомъ «крестьянской смуты». Этотъ рудникъ сталъ развиваться съ 1516 г. Маттезіусъ въ своей Chronica der freyen Bergstadt im Joachimstahl von 16 Jar an bis auff das 78 Jar» сообщаетъ о возстаніи, случившемся черезъ годъ послѣ открытія рудника. Въ 1517 г. было «первое возстаніе горнорабочихъ, когда они ушли въ буковый лѣсъ въ день св. Маргариты». Въ 1522 г. было «другое возстаніе, когда они ушли на Тюркнеръ». Затѣмъ, въ 1524 г. опять—«возстаніе горнорабочихъ въ субботу послѣ воскресенія cantate, которое усмирено графомъ Александромъ фонъ Лейсникомъ».

Но изъ всѣхъ этихъ волненій у горнорабочихъ, также какъ и ремесленныхъ подмастерьевъ, не возникло какого-либо движенія, революціоннаго по своимъ стремленіямъ.

*) Benseler, Geschichte Freibergs und seines Bergbaues. Freiberg, 1843, I, стр. 389. Ср. Herzog, Chronik ven Zwickau, II, стр. 158.

Хотя горное дѣло въ XV и XVI столѣтіяхъ было въ техническомъ и экономическомъ отношеніи развито гораздо больше, чѣмъ какая-либо иная отрасль производства того времени, и больше всего приблизилось къ капиталистической крупной промышленности, но рабочіе его все же не стали руководителями пролетаріата.

Причину этого мы видимъ въ особенномъ характерѣ горнаго дѣла. Оно изолировало рабочихъ въ недоступныхъ горныхъ долинахъ, вдали отъ центровъ сношеній и торговли. Оно изолировало ихъ отъ товарищей въ другихъ мѣстностяхъ, отъ остальныхъ эксплуатируемыхъ и угнетенныхъ слоевъ народа, суживало ихъ кругозоръ или, по крайней мѣрѣ, препятствовало его расширенію и ограничивало ихъ интересы мелкими, мѣстными и профессіональными дѣлами.

Конечно, они подвергались эксплуатаціи и были недовольны; конечно, они не боялись отстаивать свои права съ оружіемъ въ рукахъ, готовы были примкнуть ко всякому революціонному движенію и даже идти въ переднихъ рядахъ,—но лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ узкіе и временные интересы совпадали съ интересами всего движенія. Они, не задумываясь, оставляли его вождей, лишь только удовлетворялись ихъ спеціальныя и временныя требованія относительно платы и условій труда.

У горнорабочихъ, благодаря ихъ изолированности, цеховой партикуляризмъ развился почти еще рѣзче, чѣмъ у городскихъ ремесленныхъ подмастерьевъ; они и сохранили его дольше всего,—до нашего времени.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Капиталъ и трудъ въ ткацкомъ производствѣ.

Неорганизованныя массы пролетаріевъ, понятно, еще меньше, чѣмъ ремесленные подмастерья и горнорабочіе, въ состояніи были выработать революціонную политику и держаться ея строго и послѣдовательно. Онѣ чувствовали себя не новымъ, развивающимся классомъ, а продуктомъ разложенія падающихъ классовъ. Съ этими классами соединяли ихъ симпатіи, и прежде всего съ крестьянами, за которыми они часто шли въ общественныхъ движеніяхъ. Розрозненныя, подавленныя, запуганныя, онѣ неспособны были ставить себѣ свои собственныя цѣли и были слишкомъ слабы для того, чтобы преслѣдовать какую либо цѣль на свой рискъ и страхъ. Конечно, онѣ были проникнуты глубокимъ недовольствомъ существующимъ строемъ, но объ этомъ мы можемъ лишь заключать по той готовности, съ какой онѣ примыкали къ всякому революціонному движенію. Онѣ постоянно готовы были дѣйствовать вмѣстѣ съ крестьянами, къ которымъ онѣ стояли такъ близко,—лишь только крестьяне возставали; и въ коммунистическомъ движеніи онѣ принимали участіе, если оно имѣло гдѣ-либо успѣхъ. Но инициатива такого движенія или хоть идея преобразованія общественнаго строя еще не могла исходить отъ нихъ.

Ни горнорабочіе, ни ремесленныя подмастерья, ни неорганизованные городскіе пролетаріи не были призваны стать носителями начатковъ коммунистическаго рабочаго движенія. Былъ лишь одинъ слой рабочихъ, который обстоятельства не только сдѣлали восприимчивымъ къ комунистическимъ тенден-

ціямъ, но и въ то же время дали ему толчекъ къ выработкѣ изъ этихъ тенденцій новаго общественнаго идеала, а также придали энергію крѣпко держаться этого идеала въ тѣ времена, когда осуществленіе его было совершенно безнадежнымъ. Это были рабочіе ткацко-прядильной и въ особенности шерстяной промышленности.

Понятно, эти слова нужно понимать cum grano salis. Если теперь вполнѣ основательно говорятъ, что промышленный пролетаріатъ является носителемъ соціалъ-демократическаго движенія, то это еще не значитъ, чтобы въ немъ не могли принимать участія, часто даже очень энергичнаго, и члены другихъ классовъ: мелкіе буржуа, люди либеральныхъ профессій, фабриканты и т. д. Не значитъ это также и того, что каждый изъ промышленныхъ пролетаріевъ является соціалъ-демократомъ.

Съ подобными же ограниченіями нужно принять, что рабочіе ткацко-прядильной промышленности были носителями начатковъ коммунистическаго рабочаго движенія. Мы увидимъ, что въ немъ дѣйствовали и другіе элементы; и абсурдно было бы также утверждать, будто каждый ткачъ былъ коммунистомъ. Но насколько мы можемъ прослѣдить это движеніе, насколько есть у насъ достовѣрныя свѣдѣнія о немъ, мы видимъ, что ткачи постоянно принимали въ немъ выдающееся участіе, а это, конечно, не могло быть простой случайностью.

Мы полагаемъ, что явленіе это объяснится безъ особенныхъ затрудненій, если мы разсмотримъ возникновеніе и первые шаги шерстяной промышленности.

Мы не останавливаемся на другихъ отрасляхъ ткацко-прядильной промышленности: льняной, хлопчато-бумажной и шелковой, потому что онѣ по своему международному значенію въ средніе вѣка не могутъ сравняться съ шерстяной промышленность: гдѣ изготовленіе льняныхъ тканей и бархата развилось въ промышленность на вывозъ, какъ въ Ульмѣ и Аугс-

бургѣ, тамъ въ немъ обнаружились такія же капиталистическія особенности, какъ и въ шерстяной промышленности. То же самое нужно сказать и объ итальянской шелковой промышленности *).

«Среди всѣхъ отраслей промышленности Германіи шерстяная мануфактура издавна занимаетъ первое мѣсто. Ею обусловливались въ средніе вѣка сила и процвѣтаніе нѣмецкаго городского населенія. На ввозѣ необходимыхъ для нея сырыхъ матеріаловъ и вывозѣ ея фабрикатовъ основывалось морское могущество Ганзы и прежняя нѣмецкая міровая торговля. Благосостоянію, созданному ею, германская имперія въ послѣднія столѣтія средневѣковья была отчасти обязана своимъ могуществомъ и своимъ міровымъ положеніемъ... Поэтому исторія развитія шерстяной промышленности охватываетъ больше, чѣмъ развитіе отдѣльнаго производства; она является въ то же время и исторіей развитія экономической культуры Германіи. Мало того,—въ ней отражается ходъ нашей національной жизни».

Такими словами начинается трактатъ Гильдебранда: «Zur Geschichte der deutschen Industrie» **). Съ нѣкоторой оговоркой эта характеристика врядъ-ли преувеличена, — съ той именно оговоркой, что роль Германіи въ міровой торговлѣ обусловливалась не только ея шерстяной промышленностью, но и ея горнымъ дѣломъ, которое по временамъ, особенно же въ началѣ XVI вѣка, еще сильнѣе вліяло на экономическую жизнь Германіи, чѣмъ шерстяная промышленность.

Фактъ тотъ, что это была первая вывозная промышленность Германіи, да и вообще западно-христіанскаго міра.

Кромѣ кожъ и мѣховъ, для одежды употреблялся въ сред-

*) Ср. объ этой послѣдней у Romolo Graf Broglio d'Ajano, Die Venetianische Seidenindustrie und ihre Organisation bis zum Ausgang des Mittelalters, Stuttgart, 1893.

**) Въ Jahrbücher Гильдебранда, Іенна, 1866, т. VI, стр. 186 и слѣд.

nie вѣка холстъ. Шерстяныя ткани были еще предметомъ роскоши, которую вначалѣ могли позволять себѣ только знатные люди. Изготовленіе же холста было старинной домашней промышленностью. Женщины въ своихъ семьяхъ и на господскихъ дворахъ ткали холстъ, необходимый для собственнаго употребленія. Обработка же шерсти, лишь только она достигла хоть сколько-нибудь значительнаго развитія, должна была выйти изъ рамокъ домашней промышленности, такъ какъ она требуетъ сложныхъ приспособленій для окраски, валянья, стрижки сукна и т. д. Устраивать эти приспособленія были въ состояніи только болѣе крупныя организаціи: монастыри, городскія общины или цехи.

Первыхъ ткачей-мущинъ мы находимъ въ монастыряхъ. Монастыри также больше всего способствовали распространенію фабрикаціи сукна въ Германіи, какъ и вообще, монастыри въ началѣ среднихъ вѣковъ были носителями техническаго прогресса въ промышленности и сельскомъ хозяйствѣ. Нѣтъ ничего ошибочнѣе того «просвѣщеннаго» взгляда, будто монахи достигли владычества своими молитвами и списываніемъ евангелія.

Въ Констанцскомъ монастырѣ уже въ IX столѣтіи упоминаются валяльщики сукна и портные. Монахи научили обитателей побережья Боденскаго озера ткать сукна и одѣваться въ суконную одежду *). Въ XI столѣтіи ткацкое дѣло еще не занимаетъ особаго мѣста въ уставахъ и правилахъ монастырей.

Но въ XII столѣтіи оно уже пріобрѣтаетъ для монастырей такое значеніе, что въ монастырскихъ правилахъ этого столѣтія торговля шерстью, наблюденіе за запасами шерсти и само ткачество упоминаются, какъ регулярныя занятія монаховъ,— «такъ прежде всего въ постановленіяхъ и правилахъ цистерціанскаго ордена, появившихся въ XII вѣкѣ». (Schmoller,

*) C. G. Rehlen, Geschichte der Handwerke und Gewerbe, Leipzig, 1856 стр. 97.

Die Straszburger, Tucher-und Weberzunft, стр. 301). Дѣйствительно, цистерціанцы обратили фабрикацію суконъ въ свою спеціальность. «Основанный въ началѣ XII столѣтія въ западныхъ пограничныхъ земляхъ Германской имперіи, въ мѣстности, славившейся обширной суконной промышленностью, этотъ орденъ быстро распространяется на востокъ. Въ цистерціанскихъ монастыряхъ въ Брабантѣ, Тюрингіи (въ Альтенцелле), въ Силезіи мы находимъ производство суконъ *на продажу*, и такъ какъ монастыри принимали и мірянъ въ ученики и подмастерья, то нѣкоторыя преимущества брабантскихъ ткачей не могли не стать извѣстными и во внутренней Германіи» *).

Но кромѣ монастырей, ремесленное производство шерстяныхъ тканей быстро развивалось также въ городахъ и прежде всего въ Нидерландахъ, гдѣ оно начало процвѣтать уже въ X столѣтіи.

Эта новая промышленность была производствомъ предметовъ роскоши. Шерстяныя ткани долго оставались доступными лишь болѣе знатнымъ и богатымъ классамъ населенія; когда въ XV столѣтіи спросъ на шерстяныя ткани возникъ также у ремесленниковъ и крестьянъ, это считалось признакомъ распространенія большой роскоши среди низшихъ слоевъ населенія.

Тонкія сукна были дорогимъ предметомъ роскоши. Благодаря своей дороговизнѣ, они окупали далекую перевозку и вслѣдствіе этого могли служить предметомъ вывоза. Рынкомъ для нихъ

*) Zur Geschichte der deutschen Wollenindustrie, стр. 216.—Что церковь и въ другихъ случаяхъ старалась распространять полезныя мірскія знанія, объ этомъ свидѣтельствуетъ вопросъ, съ которымъ святой Бонифацій обратился къ столь же святому отцу въ Римѣ: какъ лучше всего ѣсть сало? Папа Захарій отвѣтилъ, что онъ не находитъ у отцовъ церкви отвѣта на этотъ столь важный для грѣшнаго человѣчества вопросъ. По его мнѣнію, сало можно ѣсть только хорошо прокопченнымъ или прожареннымъ. Если же кто захочетъ ѣсть сало сырымъ, пусть ѣстъ, но только послѣ пасхи“. (Ср. A. Schlossar, Speise und Trank Vergangener Zeiten in Deutschland, стр. 9).

была вся Европа. Не удивительно, что тамъ, гдѣ были на лицо необходимыя для этого условія, гдѣ оказывался въ большомъ количествѣ сырой матеріалъ особенно хорошаго качества, и въ то же время техника достигла надлежащей высоты, тамъ производство сукна легко развивалось въ вывозную промышленность.

Это произошло прежде всего во Фландріи. Уже въ XIII столѣтіи фландрскія сукна славились во всей Европѣ *).

*) Во Фландріи рано развилось производство шерстяныхъ тканей. Фламандскіе ткачи пользовались не только той шерстью, которую въ большомъ количествѣ производила ихъ страна, но и англійской шерстью, лучшей изъ всѣхъ извѣстныхъ тогда сортовъ шерсти. Въ самой Англіи производство шерстяныхъ тканей развилось поздно. Мы позволимъ себѣ здѣсь одно замѣчаніе, которое хотя и не относится къ нашей темѣ, но представляется намъ нелишеннымъ значенія. Гильдебрандъ въ цитированномъ нами сочиненіи указываетъ на то, что шерстяная промышленность (впослѣдствіи, въ капиталистическія времена) развилась именно въ тѣхъ странахъ, которыя особенно пригодны для овцеводства,—въ Сѣверной Германіи, Соксоніи, Англіи. Виноградарство же, повидимому препятствовало развитію овцеводства, а вслѣдствіе этого и шерстяной промышленности, — такъ было въ юго-западной Германіи (1. с.,стр. 232, 233). Можно было бы, пожалуй, пойти еще дальше и сказать: овцеводство благопріятствуетъ развитію крупнаго сельско-хозяйственнаго производства въ формѣ лугового хозяйства. Въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ овцеводство оказывалось прибыльнымъ, съ расцвѣтомъ капиталистической шерстяной промышленности, впервые и явилась возможность развитія капиталистическаго крупнаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ; въ этихъ странахъ землевладѣльцы имѣли больше всего побужденій экспропріировать мелко-участковыхъ крестьянъ, заводить крупныя хозяйства. Виноградарство же благопріятствовало мелкому производству. Гдѣ оно процвѣтало, тамъ для землевладѣльцевъ было выгоднѣе эксплуатировать крестьянъ путемъ увеличенія феодальныхъ повинностей, чѣмъ расширять свои собственныя хозяйства путемъ обезземеленія крестьянъ. Поэтому въ мѣстностяхъ, въ которыхъ процвѣтало виноградарство, въ южной Германіи, различныхъ частяхъ Франціи и т. д., сохранилось мелко-участковое крестьянство. Такимъ образомъ, различіе формъ землевладѣнія въ этихъ странахъ объясняется различіемъ существующихъ въ нихъ формъ производства.

Во многихъ городахъ изготовленіе шерстяныхъ тканей оставалось ремесломъ, которое работало лишь на мѣстный рынокъ, какъ и другія ремесла. Но и здѣсь оно попало въ зависимость отъ міроваго рынка, потому что внутренній рынокъ оспаривался у него иноземной конкурренціей и, такимъ образомъ, тоже становился частью міроваго рынка. Поэтому міровой рынокъ получилъ рѣшающее значеніе для шерстяной промышленности и тамъ, гдѣ ей не удалось утратить свой мѣстный характеръ и стать вывозной промышленностью. Такимъ путемъ возникъ антагонизмъ между производителями сукна этихъ мѣстностей и купцами, ввозившими сукна и дѣлавшими имъ конкурренцію. Это была не традиціонная враждебность населенія, какъ *потребителей*, къ купцамъ, а совершенно особый антагонизмъ между *производителями* и *торговцами*. Между тѣмъ, какъ масса населенія тѣмъ враждебнѣе относится къ купцамъ, чѣмъ *выше* они назначаютъ свои цѣны, ярость рабочихъ шерстяной промышленности была тѣмъ сильнѣе, чѣмъ *дешевле* купцы продавали свои товары, иноземныя сукна.

Развился еще и другой антагонизмъ между рабочими шерстяной промышленности и купцами: рядомъ съ противоположностью интересовъ двухъ конкуррентовъ возникла противоположность интересовъ эксплуатируемыхъ и эксплуататоровъ. Гдѣ производство шерстяныхъ тканей развилось въ вывозную промышленность, тамъ сталъ необходимымъ капиталъ для веденія дѣла. Издѣлья теперь уже не продавались непосредственно купцамъ. Товаръ долженъ былъ совершать дальнія путешествія, иногда странствовать съ рынка на рынокъ, раньше чѣмъ онъ находилъ сбытъ; тѣмъ временемъ онъ подвергался не одной опасности. Проходило много времени, раньше чѣмъ получалась выручка за товаръ. Но гдѣ шерстяная промышленность стала вывозной, тамъ скоро оказалось нужнымъ ввозить сырой матеріалъ, шерсть изъ другихъ мѣстъ. Ближайшія окрестности не могли удовлетворить возрастающій спросъ на

шерсть. И чѣмъ больше развивалась промышленность, чѣмъ больше возрастала конкурренція, чѣмъ выше становились требованія относительно тонкости и достоинства сукна, тѣмъ тщательнѣе подбирался сырой матеріалъ. Лишь немногія мѣстности производили достаточно хорошую шерсть;—самая лучшая,какъ мы уже говорили, привозилась изъ Англіи. Сырой матеріалъ становился тѣмъ дороже, чѣмъ изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ онъ подвозился, и его нужно было имѣть все бо́льшіе и бо́льшіе запасы. Капиталъ, затрачивавшійся на сырой матеріалъ, возрасталъ, и обращеніе его замедлялось въ той же мѣрѣ, въ какой расширялся вывозъ. Такимъ образомъ, производитель сукна долженъ былъ или самъ стать капиталистомъ, или попасть въ зависимость отъ капиталиста, снабжавшаго его необходимыми деньгами. Онъ или принижался до положенія современнаго кустаря, работавшаго съ однимъ подмастерьемъ или въ одиночку, получавшаго сырой матеріалъ отъ купца и ему же сбывавшаго за извѣстную плату продукты своего труда,—или становился капиталистомъ, который держалъ значительное число подмастерьевъ и занимался не только производствомъ, но и торговлею. Не всегда именно ткачъ возвышался до такого положенія: часто это положеніе занималъ какой нибудь другой ремесленникъ, принимавшій участіе въ производствѣ сукна. Шерсть подвергалась разнообразнѣйшимъ процессамъ обработки, раньше чѣмъ получалось сукно,—процессамъ, которые становились все болѣе самостоятельными и переходили въ руки различныхъ ремесленниковъ. Въ Страсбургѣ, напр., въ XIV столѣтіи отъ ткачей прежде всего отдѣлились шерстобиты; они чистили, приготовляли и пряли шерсть, которая затѣмъ поступала къ ткачамъ. Съ ткацкаго станка сукно переходило въ сукновальню; и валянье сукна въ XIV столѣтіи стало особымъ ремесломъ. Также выдѣлилось и ремесло стрижки сукна, подвергавшагося этой обработкѣ послѣ валянья. Позже всего отдѣлилось отъ ткачества крашенье сукна. Лишь во второй поло-

винѣ XV столѣтія крашенье начинаетъ фигурировать въ качествѣ отдѣльнаго ремесла, и еще въ XVI столѣтіи многіе ткачи сами красили свои сукна.

Каждое изъ этихъ ремеселъ технически зависѣло отъ другихъ, каждое стремилось поставить другія въ экономическую зависимость отъ себя. Особенно напряженная борьба разыгрывалась между шерстобитами и ткачами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ Силезіи, ткачамъ удалось подчинить себѣ шерстобитовъ, но въ большинствѣ случаевъ эти послѣдніе подчиняли себѣ ткачей. Изъ шерстобитовъ развивалась аристократія торговцевъ, которые отдавали шерсть для обработки и пряжи болѣе бѣднымъ мастерамъ своего ремесла или своимъ работникамъ, а затѣмъ пряжу отдавали ткать также своимъ работникамъ или самостоятельнымъ кустарямъ. Уже появились начатки мануфактурной системы; раньше всего возникли они въ монастыряхъ, которые всѣ работы, необходимыя для изготовленія сукна, объединяли въ одномъ зданіи. Но и среди ремесленниковъ съ XV столѣтія мы мѣстами находимъ, что суконщики, кромѣ работниковъ-шерстобитовъ, держатъ также работниковъ-ткачей; далѣе,—въ ткачествѣ мы видимъ широкое раздѣленіе труда, такъ что каждый ткачъ изготовляетъ особые сорта тканей; ткачество распалось на 5—6 отдѣльныхъ отраслей; другое раздѣленіе труда произошло въ шерстобитномъ дѣлѣ, различные процессы котораго перешли въ руки отдѣльныхъ рабочихъ,—слѣдствіемъ чего было паденіе шерстобитнаго цеха, передача различныхъ работъ его нецеховымъ, частью даже необученнымъ наемнымъ рабочимъ, поселянамъ, женщинамъ и дѣтямъ. Капиталистическому характеру суконной промышленности соотвѣтствуетъ также и то, что въ ней рано развилась поштучная плата *).

*) Мѣстами доходило уже до того, что поштучная плата оказывала вредное дѣйствіе и поэтому снова отмѣнялась,—такъ, въ Ульмѣ она была отмѣнена постановленіемъ городского совѣта,

Въ отличіе отъ большинства другихъ ремесленныхъ подмастерьевъ, ткачи-работники часто могли жениться, подобно нынѣшнимъ пролетаріямъ. Въ такомъ случаѣ ткачъ-работникъ уже не принадлежалъ къ семьѣ мастера.

Шерстяное производство было также той городской промышленностью, въ которой быстрѣе всего совершался техническій прогрессъ. Мы уже указали на то, что она рано требовала сравнительно большихъ техническихъ приспособленій. Эти приспособленія становились тѣмъ обширнѣе, чѣмъ больше развивалось раздѣленіе труда, вызывавшееся производствомъ на вывозъ, массовымъ производствомъ.

Прежде всего сырую шерсть нужно было чистить; для этого необходима была шерстомойная,—здѣсь шерстобиты чистили и разрыхляли шерсть. Послѣ этого ее нужно было раздѣлять на равномѣрныя хлопья для пряжи,—работа эта выполнялась особыми ремесленниками, чесальщиками, или женщинами; иногда ее производили въ особыхъ зданіяхъ, чесальняхъ.

Отъ чесальщиковъ шерсть поступала къ прядильщикамъ. Пряденье шерсти производилось или особымъ цехомъ, или работниками ткачей, или же людьми, стоявшими внѣ цеховъ, особенно женщинами. Прялка въ XVI столѣтіи получила уже повсемѣстное распространеніе.

Отъ прядильщиковъ пряжа поступала на ткацкій станокъ, къ ткачу, а отсюда къ валяльщику. Валяльни были общераспространены въ средніе вѣка. Послѣ этого сукно растягивалось на рамахъ для просушки,—для чего необходимы были особыя помѣщенія. Затѣмъ сукно переходило къ ворсильщикамъ, которые щетками разрыхляли въ немъ нитки; послѣ этого разрыхленныя нитки подстригались, для чего нужны были особыя приспособ-

„потому что поспѣшность вредитъ добротности“ (ткани). Милая система вычетовъ, которой современный капиталистъ достигаетъ возможно-лучшаго качества при возможно-быстрой работѣ, была еще мало развита въ „мрачные средніе вѣка“.

ленія. Затѣмъ оно поступало въ бѣлильню или красильню, а иногда уже и къ печатнику (въ аугсбургскомъ податномъ спискѣ 1490 г. указанъ одинъ печатникъ).

Наконецъ, упоминаются еще гладильни для суконъ; такимъ образомъ, сукна, повидимому, еще гладились и прессовались, какъ теперь холстъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ приспособленій были такъ велики и дороги, что отдѣльный ремесленникъ совершенно не въ состояніи былъ пріобрѣсти ихъ. Они принадлежали городамъ или цехамъ. Капиталистическая собственность предпринимателей на орудія труда ихъ рабочихъ тогда еще не развилась. Но вслѣдствіе постепеннаго раздѣленія труда именно въ области шерстяной промышленности началъ проявляться духъ изобрѣтательности; введеніе упомянутыхъ приспособленій знаменовало собою рядъ техническихъ революцій и служило толчкомъ къ дальнѣйшимъ техническимъ революціямъ, къ безпрерывнымъ улучшеніямъ и усовершенствованіямъ. Прялка, напр., появившаяся въ концѣ XV столѣтія, была первоначально ручной. Въ 1530 г. Юргенсъ изъ Ваттенмюля въ Брауншвейгскомъ герцогствѣ изобрѣлъ ножную прялку. Валянье сукна производилось сперва просто ногами. Изобрѣтеніе водяной валяльни (вѣроятно, въ XII ст.) постепенно положило конецъ валянью ногами. Послѣднихъ ножныхъ валяльщиковъ мы находимъ въ XIV столѣтіи.

Каждое изъ этихъ усовершенствованій дѣлало излишнею часть рабочихъ силъ. Эта сторона современнаго индустріализма нигдѣ не сказалась такъ рано, какъ у рабочихъ шерстяной промышленности.

Конечно, шерстяная промышленность передъ реформаціей не настолько приблизилась къ капиталистической постановкѣ, какъ горнозаводская: въ этомъ отношеніи она была сравнительно болѣе отсталой. Но между тѣмъ, какъ горнозаводская промышленность развивалась въ дикихъ уединенныхъ мѣстахъ,

между тѣмъ, какъ горнорабочіе оставались изолированными, далекими отъ жилищъ другихъ людей, лишенными всякой связи съ ихъ борьбой и стремленіями,—шерстяная промышленность пріобрѣтала свой капиталистическій характеръ въ большинствѣ городовъ, находившихся на пути міровыхъ сношеній, подвергавшихся вліяніямъ болѣе прогрессивныхъ странъ Европы,—Италіи, Нидерландовъ, Франціи, Германіи. Въ этихъ городахъ шерстяная промышленность была тѣмъ производствомъ, въ которомъ раньше и рѣзче всего сказался капиталистическій характеръ,—подобно тому, какъ въ концѣ прошлаго столѣтія промышленную революцію въ Англіи имѣла открыть ткацко-прядильная промышленность. Мастера ея стремились стать купцами и капиталистами, являлись эксплуататорами своихъ подмастерьевъ въ большей степени, чѣмъ мастера какого-либо другого городского ремесла, и были отдѣлены отъ подмастерьевъ болѣе глубокой пропастью. Гдѣ имъ не удалось достигнуть этого, тамъ они сами принижались до положенія наемныхъ рабовъ купцовъ, положенія кустарей, которые стояли ближе къ своимъ подмастерьямъ, чѣмъ мастера какого-либо другого ремесла, и солидарно съ подмастерьями были проникнуты антагонизмомъ къ своимъ эксплуататорамъ. Пролетарій же, не принадлежавшій къ цехамъ, все больше и больше сближался съ подмастерьями, какъ товарищъ по работѣ, какъ равный въ соціальномъ отношеніи.

И когда такимъ образомъ у рабочаго шерстяной промышленности цеховая замкнутость все больше и больше утрачивала почву, его кругозоръ расширялся, благодаря тому значенію, которое пріобрѣлъ для него міровой рынокъ. Что для другихъ гражданъ было лишь праздничнымъ развлеченіемъ,—

Толки о войнахъ,
О битвахъ народовъ
Въ далекихъ краяхъ,—

то стало для участниковъ шерстяной промышленности серьезнѣйшимъ дѣломъ въ мірѣ. Подвозъ для нихъ сырыхъ ма-

теріаловъ, сбытъ ихъ товаровъ зависѣлъ отъ того, не воюетъ ли, напр., Англія съ Франціей, и какъ держитъ себя при этомъ Фландрія, въ какихъ отношеніяхъ стоитъ Ганза съ Даніей, свободенъ-ли путь на Новгородъ, заключаетъ-ли императоръ миръ съ Венеціей и т. п. Кто работаетъ для міроваго рынка, у того не можетъ имѣть мѣста приходская политика, также какъ беззаботность и увѣренность ремесленника, который работаетъ только для сосѣдей и знакомыхъ. Къ городской борьбѣ, въ которой рабочіе шерстяной промышленности принимали участіе и часто играли первую роль, къ цеховой борьбѣ, вызывавшейся указанными нами соціальными и техническими перемѣнами, присоединились еще вліянія перемѣнъ въ другихъ мѣстахъ и торговыхъ кризисовъ,—чтобы никогда уже не оставлять промышленности въ покоѣ, держать ее въ состояніи безпрерывнаго переворота. Шерстяная промышленность была самымъ революціоннымъ изъ городскихъ производствъ конца среднихъ вѣковъ, и революціонными были также ея рабочіе. Для нихъ общество не представляло чего-либо прочнаго, неизмѣннаго; они легче всего могли придти къ мысли измѣнить его. Они сильнѣе всего чувствовали эксплуатацію и имѣли больше всего основаній для вражды съ богатыми.

Но шерстяная промышленность была также самымъ сильнымъ изъ всѣхъ ремеселъ. Каждый городъ составлялъ тогда отдѣльную общину, въ зажиточныхъ же городахъ, работавшихъ для міроваго рынка западной промышленности, — а этотъ рынокъ простирался отъ Англіи до Новгорода и Константинополя, — шерстяная промышленность была въ экономическомъ отношеніи самымъ важнымъ производствомъ. Отъ нея, т. е. отъ ея рабочихъ, зависѣло благосостояніе города.

И не только по экономическому значенію, но также и по своей численности рабочіе шерстяной промышленности, главнымъ образомъ, ткачи, составляли силу въ городахъ, гдѣ эта промышленность развилась,—силу, которая можетъ казаться

намъ небольшой, но въ мелкихъ горадахъ того времени она была очень внушительной. Говоря *относительно*, эта промышленность собрала тогда въ своихъ центрахъ огромныя массы народа.

Въ Бреславлѣ уже въ 1333 г. ткачи выступили въ числѣ 900 вооруженныхъ человѣкъ. Въ Кельнѣ послѣ подавленія одного только возстанія было выслано 1.800 ткачей. Особенно многочисленны были они въ Нидерландахъ. Въ 1350 г. насчитывалось въ Левенѣ 4.000 ткацкихъ станковъ, столько же въ Ипернѣ, 3.200 въ Мехельнѣ. Въ 1326 г. за одинъ разъ было выслано изъ Гента 3.000 ткачей вслѣдствіе ихъ склонности къ возстанію противъ графа фландрскаго. Во второй половинѣ XIV вѣка тамъ стояло съ оружіемъ въ рукахъ 18.000 человѣкъ, занятыхъ въ производствѣ сукна. Въ Брюгге во время процвѣтанія этого ремесла обработкой шерсти жило 50.000 человѣкъ *).

Это скопленіе въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ придало ткачамъ огромную революціонную силу. Не удивительно, что хроника аббата Трудо говоритъ о нихъ, — что они самоувѣреннѣе и наглѣе всѣхъ остальныхъ ремесленниковъ.

Если мы примемъ во вниманіе всѣ эти обстоятельства то намъ будетъ понятно, отчего именно шерстяная промышленность стала очагомъ соціально-революціонныхъ стремленій реформаціоннаго времени, отчего ткачи во всякой борьбѣ противъ городскихъ и государственныхъ властей сражались въ первыхъ рядахъ, отчего они легко стали доступными направленію, объявившему войну всему существующему общественному строю, и отчего при коммунистическихъ движеніяхъ конца среднихъ вѣковъ и эпохи реформаціи, насколько вообще эти движенія носятъ пролетарскій классовой характеръ, обыкновенно ткачи

*) Hildebrand, 1. c. стр. 83. Ср. также D-r H. Grothe, Bilder und Studien zur Geschichte vom Spinnen, Weben, Nähen, Berlin, 1875. Стр 215 и слѣд.

находятся въ связи съ ними. «Не даромъ,—говоритъ Шмоллеръ— нѣмецкій языкъ, отожествляя понятія ткача и заговорщика, до сего дня сохраняетъ выраженіе: «Unruhen *anzetteln*» въ смыслѣ тайно и медленно подговлять волненія», — отъ слова Zettel, основа ткани *).

«Въ глазахъ многихъ современниковъ,—говоритъ Гильдебрандъ,—цехи суконщиковъ заняли положеніе, подобное тому, какое въ 1848 г. нѣкоторые пытались создать для привилегированнаго (!) класса «рабочихъ» **).

---

*) Schmoller, 1. c., стр. 465.

**) 1. c., стр. 115.

Оглавленіе.

Глава первая.

Возникновеніе свободнаго городского ремесленнаго сословія.

Стр.

I. Крѣпостная зависимость 1
II. Возникновеніе ремеселъ 5
III. Цехъ 9

Глава вторая.

Ремесленные подмастерья.

I. Возникновеніе слоя подмастерьевъ 13
II. Ученикъ, подмастерье, мастеръ 20
III. Борьба между мастерами и подмастерьями 28
IV. Союзы подмастерьевъ 37
V. Городская рабочая аристократія 51

Глава третья.

Капиталъ и трудъ въ горномъ дѣлѣ.

I. Марка и горное право 56
II. Капиталистическое крупное производство въ горномъ дѣлѣ 65
III. Горнорабочіе 77

Глава четвертая.

Капиталъ и трудъ въ ткацкомъ производствѣ 87